Предложение, от которого не отказываются…

Автор:
Ирина Градова

Предложение, от которого не отказываются…

Ирина Градова

Детективы о женщине-стихии

Владимир Князев по прозвищу Мономах был как кость в горле для некоторых коллег и для начальства. Но поскольку он был отличным медиком и очень хорошим человеком, убрать Мономаха из больницы было невозможно даже главному врачу. Когда в его отделении один за другим умерли два пациента – пожилая женщина Суворова и известный адвокат Гальперин, – началось расследование. Мономах не мог оставаться в стороне и тоже предпринял некоторые шаги для выяснения причин смерти – и неожиданно для себя понял, что обоим пациентам «помогли» отправиться на тот свет. Чего же добивается «ангел смерти» и на чьей стороне он выступает?..

Ирина Градова

Предложение, от которого не отказываются…

© Градова И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Вода в бассейне вдруг стала слишком холодной. Неприятное ощущение. И свет режет глаза, хотя он и приглушил его, прежде чем приступить к водным процедурам. Грудь сдавил спазм. Этого не должно было случиться, ведь всего полчаса назад он принял лекарства, а они никогда его не подводили! И все же медицинское образование подсказывало, что пора «на берег». Завтра нужно позвонить врачу и сказать, что… что… черт, о чем это он? Мысли путались, и он попытался глубоко вдохнуть. Не вышло: грудная клетка будто свинцом налилась. Нет, скорее в нее словно напихали ваты… Он судорожно заработал руками, чувствуя, как левая сторона, начиная со ступней, немеет. Надо успеть доплыть до бортика…

Скрипнула, отворяясь, дверь. Слава богу, кому-то вздумалось спуститься в бассейн, и он получит помощь! Бортик находился всего в полуметре от пальцев, но как же трудно дотянуться… Голова отяжелела, и он тщетно пытался поднять ее, чтобы посмотреть вверх. В дрожащей воде, ставшей практически ледяной, отразились лица. Два лица. Почему они не двигаются, неужели не видят, что с ним беда? Он хотел закричать, но голос отказывался повиноваться. Тело внезапно стало неповоротливым, будто бы чужим, и лишь глаза и мозг, хотя и затуманенные болью, продолжали функционировать.

Ему удалось уцепиться кончиками пальцев за гладкий кафель, и он попытался вдохнуть. Вроде получилось… И тут что-то надавило на его макушку и толкнуло вниз. Он не успел закрыть рот и хлебнул изрядную порцию хлорированной воды. Как же она отвратительна на вкус! Его руки поднялись над водой, хватаясь за воздух. Что происходит?! Он уже почти поднялся к поверхности, когда чья-то сильная рука вновь погрузила его в бассейн, не позволив набрать в легкие воздуха. Вместо этого туда потоком хлынула вода, выдавливая остатки кислорода, причиняя адскую боль, разрывая тело на тысячу частей.

Последним, что он увидел, были круглые светящиеся пятна на поверхности воды. Они становились все больше, растекаясь, разрастаясь, как ярчайшая вспышка от взрыва мегатонной бомбы…

* * *

Из смотровой выпорхнула стайка практикантов, большинство которых составляли особы женского пола. Длинноногие, гладкокожие, они сияли, глядя

на возглавлявшего процессию мужчину в белом халате. Алина сглотнула предательски застрявший в горле комок – не на одну нее Севан Мейроян производил сильное впечатление. Девчонки выпендривались друг перед другом, и становилось ясно, что двум прыщавым паренькам, как будто случайно затесавшимся в этот цветник, ничего не светит: девичьи взоры были устремлены в сторону красавчика-доктора. Он улыбался в усы, купаясь в лучах восхищения «адептов», как с легкой руки зава отделением называли практикантов Севана, словно это какая-то секта огнепоклонников. Вернее, поклонников Севана Мейрояна. Если бы даже он выглядел как Вельзевул, и тогда бы табуны женщин ходили за ним, будто загипнотизированные – он считался одним из лучших хирургов среди «молодого поколения». Но, к несчастью, Севан был красив, как восточное божество, и каждый раз, глядя на него, Алина ощущала, как душа уходит в пятки, словно она на бешеной скорости летит вниз с «американских горок». У нее и мысли не возникало, что доктор Мейроян почтит ее своим вниманием, ведь она ему не ровня. Его дед – академик Манас Мейроян, мировая знаменитость. Отец – профессор Баграт Мейроян, ректор Первого медицинского университета, блестящий нейрохирург. Не менее блестящее будущее ожидает и Севана. А кто она такая? Алина Руденко, двадцати трех лет, мать-одиночка, живущая в коммунальной квартире и подрабатывающая уходом за лежачими больными.

Севан поднял голову и посмотрел прямо на нее. Странно, он никогда не замечал Алину. Не заметил бы, даже если бы она стояла голая под водопадом в лучах заходящего солнца и пела гимн России. Его губы дрогнули в улыбке, и Алина оглянулась: наверняка за ее спиной стоял кто-то, заслуживающий его внимания. Надо же, никого! Остолбенев, Алина таращилась на Мейрояна, аккуратно отодвинувшего девчонок, чтобы расчистить себе путь к стойке постовой медсестры, возле которой она стояла.

– Алина, на два слова, – обратился он к ней, приблизившись на расстояние вытянутой руки. На нее пахнуло дорогим парфюмом. Едва заметный, тонкий аромат, отличающийся от тех, каким обычно пахнут знакомые ей мужчины. Оказывается, он помнит ее имя!

– Меня?! – в панике пробормотала Алина.

Взяв за локоть, Севан отвел ее в сторонку, в то время как взгляды практиканток ревниво сканировали обоих. Склонившись к самому ее уху, отчего у Алины перехватило дыхание, он сказал:

– Ты же занимаешься этим адвокатом, Гальпериным, верно?

Она молча кивнула, глядя на него снизу вверх. Его темно-карие, как спелая черешня, глаза, осененные длинными ресницами, такими черными и густыми, что казались подведенными тушью, смотрели прямо на нее. Никогда раньше он не подходил столь близко. Почему ноги будто ватные? Что ему от нее нужно? Кого-то убить, что-то украсть или шпионить в пользу иностранного государства? Она согласна, согласна!

– Не присмотришь за бабулей?

– За… бабулей? – пробормотала Алина.

– У нее ушиб позвоночника. Понимаешь, моя не в меру активная бабушка решила повесить новые шторы – ну не терпелось ей этим заняться, и она не стала дожидаться домашних… Она в седьмой палате лежит. Ничего опасного, но возраст, сама понимаешь!

– Что требуется от меня? – спросила Алина, надеясь, что ее голос не слишком выдает волнение.

– Не хочу, чтобы возле нее были Татьяна или Гульнара. Особенно Татьяна – хабалка она злобная, а бабуля мне дорога. Лучше, чтобы ты за ней приглядела. Не бесплатно, разумеется!

– Что вы, Севан Багратович, разве я могу взять у вас деньги?!

– Конечно, можешь! Всякий труд требует достойной оплаты, и я заплачу столько же, сколько платит Гальперин, идет?

– Но я…

– Ты занята?

– Нет, но…

– Значит, договорились, – снова улыбнулся он. – Я скажу бабуле. Ее зовут Нубар Зебетовна. Лучше запиши – бабуля не любит, когда коверкают ее имя.

С этими словами он развернулся и зашагал обратно к «цветнику», который при этом заволновался и зашелестел, словно от дуновения ветерка: «бог» возвращался к народу, и народ приветствовал его.

– Варежку закрой!

При звуке насмешливого голоса Алина обернулась. Перед ней стояла Татьяна Лагутина – та самая, которую Мейроян не хотел видеть рядом со своей бабушкой. Длинная, под метр восемьдесят, длинноногая и тонкая, словно ручка от швабры, девица не отличалась привлекательностью, однако была о собственной персоне высокого мнения, полагая себя королевой красоты. Что примечательно, ее самоуверенность передавалась окружающим, поэтому у Татьяны были полчища поклонников, ни один из которых, впрочем, не соответствовал ее запросам.

– Думаешь, ты нужна ему? – продолжала Лагутина, глядя на Алину сверху вниз, как на жука или червячка, внезапно выползшего из яблока. – Забудь! Эти мусульмане женятся только на своих!

– Он армянин… – попробовала слабо возразить Алина. Не против того, что Мейроян не воспринимает ее как женщину, а лишь против неоспоримого факта, имеющего отношение к его происхождению.

– Ну я и говорю – мусульмане, они народ своеобразный!

– Но армяне не…

– А ты чего здесь? – не дослушав, поинтересовалась Татьяна. – Не твоя же смена… А-а, «капусту» рубишь? Слушай, как ты с Гальпериным справляешься?

– Он – пациент, – пожала плечами Алина.

– Он – мозгоед! – возразила Лагутина. – Да я бы ни за какие деньги не согласилась за ним ухаживать. Два шага до могилы, а ведет себя, словно всех

собирается пережить!

Бросив эту презрительную фразу, Татьяна удалилась, покачивая костлявыми бедрами, очевидно, воображая себя парусником с полотен Айвазовского. «Хорошо, когда есть выбор!» – тоскливо подумала Алина и направилась в санитарную комнату за чистыми «утками».

Полтора года назад она и сама воротила бы нос от того, чем вынуждена заниматься. На зарплату медсестры в госучреждении не проживешь, а теперь зарплата стала единственным источником ее дохода. День, когда произошла катастрофа, запечатлелся перед ее мысленным взором подобно живой картине, то и дело всплывающей в памяти. Вернувшись домой после ночной смены, Алина осторожно прикрыла дверь, чтобы не разбудить мужа и сына. Георгий сидел за кухонным столом с ноутбуком. В этом не было ничего удивительного, ведь он частенько просиживал за работой ночь, а потом отсыпался до вечера. Удивительным было выражение его лица, когда Гоша поднял голову и посмотрел на Алину – как будто у него внезапно разболелся зуб.

– Я ждал тебя, – чужим, холодным голосом проговорил он, захлопывая крышку компьютера. – Надо поговорить.

– О чем? – поинтересовалась Алина, устремляясь к кофеварке. Она любила утренние часы, когда можно посидеть за чашечкой кофе, глядя на улицу. На то, как она постепенно просыпается и оживает. Дворники, ранние пташки, катят мусорные контейнеры по гулкому асфальтовому покрытию. Люди выползают из подъездов, спеша на работу или учебу, а дети в веселом возбуждении выскакивают на детскую площадку, заполняя песочницы и карусели. Перспектива встретить утро вместе с мужем выглядела привлекательной. В последние несколько месяцев семейная жизнь не ладилась. Алина гнала от себя дурные мысли, надеясь, что все наладится и будет как раньше. Раньше – это когда Гоша не зарабатывал больших денег, и они радовались каждой малости. В их новой квартире не осталось почти ничего от прошлой жизни, разве что пара фотографий и ковер, который стараниями Алины перевезли и расстелили в комнате Русика, несмотря на ворчание Георгия о том, что ковры нынче не в моде. Новую мебель муж заказывал по каталогу. Ждали ее несколько месяцев, но он уверял, что «оно того стоит». Сама же Алина не могла понять, почему нельзя купить обычный диван тысяч за двадцать, ведь ничто не вечно и рано или поздно подлежит замене. А эти дорогущие модульные диваны, кресла и пуфики, обтянутые шелком, требуют особого ухода, к ним даже приближаться с

обычным пылесосом страшно. Не говоря уже о мебели из натурального дерева – один стол в гостиной, за который можно усадить человек двенадцать, чего стоил!

С тех пор, как пошел в гору, Георгий буквально пропадал в конторе. Занимаясь разработкой компьютерных игр, он мог большую часть времени проводить дома, ведь и там есть компьютер! Однако муж предпочитал офис. Алина ни разу там не была, однако Георгий рассказывал, что полгода назад снял новое помещение с видом на Фонтанку, где он и его партнер Виталик были полновластными хозяевами. Когда Алина заикнулась, что хотела бы увидеть это «чудо» своими глазами, Гоша замял разговор. Алина с тоской вспоминала былые деньки, когда они могли часами болтать о всякой всячине, делиться новостями и беззаботно гулять в парке. У них становилось все меньше общего. После рождения Русика, привнесшего столько счастья и радости в ее жизнь, Георгий начал стремительно меняться. Сын его интересовал мало. Гораздо больше раздражал его плач, хотя малыш отличался спокойным нравом и доставлял минимум хлопот. Иногда Алина слышала произносимые сквозь зубы упреки, что с появлением ребенка она стала уделять мало времени семье. Семье – то есть мужу. Георгий не раз предлагал уйти из больницы, но Алина ненавидела просить у него деньги на хозяйство. Они оплачивали дорогую квартиру, и Георгий снимал офис в центре, который съедал целое состояние, однако свободных денег в семье не водилось. Он твердил, что они нужны на развитие бизнеса, ведь любое серьезное дело требует вложений. Алине и в голову не приходило его упрекать, поэтому она выскочила на работу через полгода после рождения Русика. Ей удалось договориться с пожилой соседкой, чтобы та приглядывала за сынишкой в ее отсутствие за умеренную плату, и быт более или менее наладился. Георгий периодически бубнил, что жене надо проводить больше времени с ребенком. Странная забота, учитывая, что сам он появлялся дома редко и общество своего ноутбука предпочитал обществу подрастающего сына… И вот теперь он хочет поговорить.

– Хорошо, – сказала она, усаживаясь напротив мужа. – О чем разговор?

– О нас, – ответил он, не отвечая на ее улыбку. – О наших отношениях.

– Знаешь, я и сама хотела…

– Можешь ты хоть раз выслушать меня молча?! – неожиданно взорвался он. – Создается впечатление, что, кроме тебя, в доме больше никого нет!

Обвинение было столь несправедливым, что Алина отшатнулась. Это ведь вокруг Георгия крутилось их семейное бытие. Все подчинялось его желаниям, его настроению, его расписанию. Она подстраивалась во избежание ссор, а он обвиняет ее в эгоизме!

– Хорошо, – проглотив обиду, согласилась она. – Говори!

– О, спасибо за разрешение, госпожа! – с едким сарказмом бросил он.

– Почему ты так со мной разговариваешь? – недоуменно спросила она.

Георгий шумно выдохнул, словно пытаясь восстановить душевное равновесие, и сухо произнес:

– Нам нужно расстаться.

Фраза, сказанная деловым тоном, оглушила Алину.

– Ч-что? – переспросила она.

– Я о разводе, – пояснил Георгий. Он произносил слова медленно, как будто она была недоразвитой или плохо понимала по-русски.

– Почему?!

– Потому что наша семейная жизнь никуда не годится. Мы почти не видимся…

– Но я делаю все, что могу! – перебила Алина. – Сократила количество ночных смен, работаю на полставки!

– Это уже неважно, – поморщился муж, глядя мимо нее, на фотографию на стене. Алине не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, что изображено на снимке – их семья из трех человек. Недавно еще счастливая.

– Я все решил, – продолжил Георгий, переводя взгляд на жену. – Давай обойдемся без скандала?

– У тебя кто-то есть? – онемевшими губами прошептала Алина фразу, которая давно крутилась на языке. Женщина не может не замечать изменений, происходящих в ее мужчине, или она должна быть абсолютно бесчувственной. Но женщина может притворяться, лгать даже самой себе, что все хорошо, в надежде, что что-то изменится. Чем Алина и занималась последние полгода.

– При чем тут это? – раздраженно ответил на ее вопрос муж. – Хотя… да, если хочешь откровенно: у меня есть другая женщина! Но это не главное. Главное то, что я больше не хочу жить с тобой, понимаешь? Мне надоело делать вид, что мы образцовая семья, надоело оправдываться за задержки на работе, за то, что не провожу время с Русланом и с тобой… Наконец, надоело, приходя домой, видеть твое лицо!

Против этого сказать было нечего. Последующие недели прошли, словно во сне. Георгий ушел, и Алина понятия не имела, где он, хоть и догадывалась. Скорее всего, живет у той, другой женщины, чье лицо не вызывает у него раздражения. Алина не пыталась бороться. Если любовь ушла, разве можно ее воскресить? Только она не ожидала, что Георгий так сильно изменится: ну хорошо, любви больше нет, но они ведь прожили вместе пять лет! Создавалось впечатление, что муж вдруг возненавидел ее, хотя она не сделала ему ничего плохого. Если бы Алина была поопытнее, то, возможно, пришла бы к выводу, что свинским отношением Георгий маскирует собственную вину. Однако Алина во всем обвиняла себя. Она распустилась, перестав наряжаться, забросила мужа, уделяя все свободное время Русику… Хотя за последнее, честно говоря, ей не стыдно. Постепенно она приходила к выводу, что идеализировала и их с Георгием отношения, и его самого. Георгий вовсе не являлся принцем на белом коне, вызволившим ее из провинции и привезшим в Санкт-Петербург. Алина прекрасно чувствовала себя в Пскове, древнем, красивом городе, где родилась и прожила большую часть жизни. Она рано лишилась матери, а отца и вовсе не знала, поэтому вырастила ее бабушка, Антонина Сергеевна Малышкина. Всю жизнь бабушка проработала поваром в школьной столовой. У нее внучка научилась готовить и печь вкуснейшие пироги и плюшки. Им принадлежал земельный участок под Псковом, где бабушка с внучкой выращивали овощи и зелень. Алина не очень любила сельское хозяйство и в будущем видела себя учителем или инженером, а никак не агрономом. Когда бабушка заболела, она пересмотрела приоритеты и решила, что медицина – гораздо более полезное занятие, нежели преподавание или экономика. Алина ходила за Антониной Сергеевной, как за маленьким ребенком, меняя подгузники, протирая губкой во избежание пролежней и строго следя за приемом лекарств. К одиннадцатому классу она окончательно сделала выбор в пользу медицинского училища. Бабушка умерла в

год его окончания. За несколько месяцев до этого Алина встретила Георгия. Он приехал в Псков к родственникам. Стояла настоящая русская зима, со снегом и морозами. Собственно, зима и стала причиной их знакомства: катаясь на лыжах, Гоша сломал ногу и загремел в больницу, где Алина проходила практику, ухаживая за больными. Георгий стал ее самым послушным пациентом. Его пленили огромные серые глаза, светлые мягкие кудряшки и по-детски пухлые губы, всегда готовые раскрыться в широкой улыбке. Но больше всего Георгия поразили необыкновенная доброта и сострадательность молодой, неопытной медсестрички: нехватку профессиональных умений она компенсировала этими редкими для медицинского работника качествами.

Георгий выздоровел, во многом благодаря стараниям новой знакомой, и укатил обратно в Питер, обещая писать и звонить. Слово он сдержал, а вот Алине стало не до него, когда состояние Антонины Сергеевны ухудшилось. Наступил кризис, ее положили в больницу, но там бабушка протянула всего четыре дня. Алина осталась одна. Две недели она приходила в себя, пытаясь понять, что делать дальше. От болезненных и бесплодных размышлений ее спас Георгий. Он приехал в Псков и сказал, что забирает Алину в Санкт-Петербург. Он быстро продал квартиру и участок – Алина была слишком расстроена, да и понятия не имела, как это делается. На вырученные деньги Гоша взял ипотеку, и через короткое время они стали гордыми обладателями отдельной квартирки в Девяткино. Не самый лучший район – минимум зелени, никакой инфраструктуры – зато они вместе! И полетело время. Два безоблачно счастливых года, беременность и рождение Русика – самое значительное событие в жизни Алины. Гоша занимался компьютерными играми и вскоре встретил человека, с которым они вместе начали разрабатывать новый проект на популярную военную тематику. Игру купила крупная фирма, сделав заказ еще на две. Тот период Алина вспоминала как один из самых приятных в жизни. Они продали квартиру и купили новую, в престижном районе, где полно магазинов, кафе и, самое главное, отличный детский садик для Русика. Алина устроилась в хорошую больницу недалеко от дома. У Георгия появились дорогие привычки – посещение клубов, занятия в спортзале и выезды на природу с друзьями, и дорогие игрушки – часы, машина и куча гаджетов, о назначении большинства которых Алина понятия не имела. Раньше у них все было общее – деньги, развлечения, друзья. Теперь Гоша выдавал Алине строго определенные суммы на домашние нужды, причем зачастую требовал чек, если стоимость чего-то превышала его ожидания. Он перестал выводить ее куда-то, а ведь раньше, когда они располагали куда более скромными возможностями, Гоша и Алина каждый выходной ходили в какое-нибудь уютное кафе или ресторанчик, в кино или на концерт. Приятели тоже поменялись. Георгий перестал водить дружбу с теми, с

кем они общались раньше, и завел новых знакомых, которых Алина знала только с его слов. В результате жена тоже перестала удовлетворять его возросшим запросам, и Георгий без сожаления с ней распрощался.

Постепенно Алина стала привыкать к тому, что ее семья сократилась до двух человек. Гоша редко навешал Русика, в то время как мальчик постоянно спрашивал об отце. Он не понимал, что такое развод, и Алина не могла объяснить сынишке, почему папа больше с ними не живет. Поэтому она врала. Сначала папа «уехал в командировку», потом «у него много работы». Каждый раз ей приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы придумать правдоподобное объяснение отсутствия отца в жизни Русика. К счастью, малыш не знал, что взрослые могут врать, поэтому верил маме и ждал. Ждал, когда Георгий вспомнит о нем. Он «вспоминал» нечасто. Сначала приходил и выгуливал Русика часа два, потом стал позванивать время от времени. Алина терпела такое положение вещей, так как была твердо уверена, что ребенку нужен отец.

Прошло три месяца. Вернувшись домой после смены, Алина с ужасом обнаружила, что дверь в квартиру распахнута настежь. Их ограбили?! Но все оказалось гораздо прозаичнее: Георгий нанял грузчиков, которые в отсутствие жены и сына вынесли из дома все ценное. Кое-какую мебель Гоша милостиво не тронул, зато теперь Русик не мог смотреть мультики, ведь папа забрал большой плоский телевизор, оставив в стене две дырки от кронштейна, на котором он крепился, как напоминание о том, что телевизор имел место быть. Последней каплей явилась бумага, пришедшая по почте, словно Георгию стыдно было принести ее лично. Это оказалось постановление суда о выселении. Алина в панике позвонила бывшему мужу, напомнив, что жилье является совместно нажитым имуществом, а тот лишь насмешливо спросил:

– Господи, и где ты только такого набралась – в своей больничке? – И добавил: – А хата принадлежит моей маме, поэтому к тебе не имеет никакого отношения!

– Как это – маме? – тупо переспросила Алина.

– Ты сама подписывала документы, помнишь? Об отказе на долю в квартире?

Она и в самом деле ставила подпись на каких-то бумагах, не вчитываясь в их содержание – разве могла Алина подумать, что собственный муж, ее Гоша, ее

обманет?!

– Но у нас же сын! – пробовала возразить она, тщетно ища более весомые аргументы. – Ты что, выгоняешь его на улицу?!

– Бог с тобой, – пожал плечами Георгий, – никто ребенка не оставляет без жилья! Я приобрел комнату в коммунальной квартире. Двадцать пять метров. Район отличный… Правда, от больницы далековато, но ничего, найдешь другую – медсестер везде не хватает!

И Алина с сыном переехали в коммуналку. Ее соседями стали спившийся отставной военный и семейство кабардинцев, занимающихся отделкой квартир. Последнее обстоятельство пригодилось: парни помогли молодой мамаше с ремонтом. Поначалу Алина побаивалась, что сыну не понравится новое жилье, но Русик воспринял все как должное: раз мама сказала, значит, так надо. Теперь Алине приходилось рассчитывать только на себя. Гоша предложил ей не подавать на алименты, а вместо этого обещал обеспечивать сына всем необходимым. На деле же Алине каждый раз приходилось клянчить деньги на все, от детского сада до новых ботинок. В конце концов ей надоело. Алина поняла, что придется выкручиваться самостоятельно. И она выкручивалась, проводя большую часть времени на работе. Русика чудом удалось пристроить в круглосуточный садик, а Алина после смены занималась платным уходом за больными. Даже за такими противными, отвратительными типами, как адвокат Гальперин.

Конечно же, ничего этого Татьяна знать не могла. Да и знай она, Алина сомневалась, что дождалась бы сочувствия от коллеги, которая ни к кому не испытывала симпатии. А чье-нибудь участие ей сейчас бы совсем не помешало!

– Ну и сколько мне ждать, чтобы вытащили эту дурацкую посудину из-под моей задницы?!

Эти гневные слова обрушились на нее, едва Алина шагнула в палату.

– За что я только бабки плачу? – продолжал бушевать требовательный пациент. – Если бы я хотел снять гостиничный номер, то выбрал бы что-нибудь получше вашего гадюшника! Мне нужен уход, а не койко-место и вайфай! Мало мне унижений с этой треклятой уткой…

Не говоря ни слова, Алина помогла брюзжащему адвокату избавиться от утренней порции дерьма. Она знала, что ввязываться в спор бесполезно, все равно у Гальперина язык подвешен лучше. Зачем его лишний раз раздражать, ведь он платит ей и за терпение в том числе!

Алина не видела радости в том, чтобы пререкаться с больным – да чего уж там, умирающим человеком. Гальперин, несмотря на всю свою желчь и отвратительный характер, частью природный, частью выработанный профессией, в лучшем случае протянет еще месяц. Ну два. Он попал в больницу с повреждением копчика во время неудачного падения с лестницы, но являлся онкологическим больным. Опухоль желудка была злокачественная и находилась в терминальной стадии. Терапию, возможную в таких случаях, Гальперин прошел без особого успеха, и теперь неумолимое время приближало его конец. Адвокат отказался от новых предложений лечащего врача, обещавшего какие-то экспериментальные методы, предпочитая остаток жизни провести в здравом уме и твердой памяти. В специализированное отделение ТОН, или травматолого-ортопедическо-нейрохирургическое, его доставили на «Скорой помощи» и поместили в отдельную палату, которая стоила уйму денег. Однако Гальперин, самый известный адвокат по разводам в городе, мог себе это позволить. В его палате имелось все для комфортного пребывания: телевизор, диван и кресла для посетителей, стол и, разумеется, отдельная ванная комната. В отличие от многих помещений в отделении, нуждающихся в ремонте, эта и соседняя с ней, ныне пустующая палата были недавно приведены в порядок. И все равно капризный пациент частенько выражал недовольство то одним, то другим, и оно, как правило, выливалось на Алину или санитарок. Санитарки в больнице – вымирающий вид. Постоянно сокращающийся бюджет делает их зарплаты мизерными, а работы не убывает, поэтому с каждым годом заведующим отделениями приходится изощряться, пытаясь сохранить места, добавляя им денег за счет премий. Поэтому санитарки, считающие себя в какой-то степени привилегированным классом, не желали терпеть придирок Гальперина. В результате и сменщица Алины, и санитарки отказались работать с адвокатом. А Алине необходимы деньги, которые он, несмотря на свой злой язык, платил исправно, поэтому она просто не имела права привередничать. Пока девушка молча устанавливала капельницу и искала вену на тощей, жилистой руке, Гальперин внимательно ее разглядывал. Она чувствовала это кожей, и ощущение было не из приятных. Наверное, именно так он рассматривал в суде тех, с кем намеревался разделаться – словно под микроскопом, ища слабые места.

– Ну и что у нас случилось?

Вопрос адвоката застал Алину врасплох, и ее рука замерла в воздухе.

– Простите? – пролепетала она, поднимая глаза.

– Вы меня расслышали, – поморщился он. – Умерли все родственники в Мордовии, дом сгорел, а вас продают в публичный дом за долги?

– П-почему в Мордовии? – недоуменно переспросила она, не обратив внимания на то, что вторая часть вопроса звучала обидно.

– Ну я не смог придумать более отдаленного региона, – пожал плечами Гальперин. – Вы ведь не питерская, верно?

Удивительное дело! Раньше адвокату было наплевать на Алину и на то, кто она и откуда взялась. Можно ли считать его вопрос хорошим знаком?

Она воткнула иглу в вену, и Гальперин поморщился. Зря, ведь Алина точно знала, что не причинила ему боли – что-что, а с венами она работала, как Да Винчи с механизмами! Так однажды сказал Мономах… то есть заведующий ТОН Князев.

– Я родилась и выросла в Пскове, – ответила на вопрос Алина, решив не напоминать о том, что ее родной город, да еще Новгород считаются родоначальниками Руси, а вовсе не Санкт-Петербург, сущий младенец по сравнению с древними столицами. – Родители умерли давно, но у меня есть сын, Руслан. Ему четыре года.

– Ну надо же… А муж?

– Что – муж?

– У вас нет кольца, – пояснил Гальперин, и Алина инстинктивно сжала правую руку в кулак. Она носила обручальное кольцо до развода не снимая, разве что когда мыла руки. А вот Георгий не носил, говоря, что оно мешает ему, нарушает кровоток в пальце и вообще его можно легко потерять. Для окружающих он был

свободен. «Свободен» – странное слово, неожиданно подумалось Алине. Почему женщину называют незамужней, а мужчину – свободным? Как будто бы, надевая кольцо на безымянный палец, он автоматически попадает в тюрьму!

– Во-вторых, – продолжил объяснять свои выводы Гальперин, – вы проводите в больнице слишком много времени. Ни один муж не выдержит такого режима. Вам нужны деньги, ведь вы работаете сверхурочно, ухаживая за платными пациентами. Вы не пишете и не получаете эсэмэсок, тогда как другие медсестры постоянно что-то строчат и получают ответные сообщения, отлынивая от работы. Все вышесказанное позволяет предположить, что мужа нет.

Алина почувствовала, что краснеет: она и не предполагала, что является предметом столь пристального внимания!

– Я разведена, – подавляя вздох, честно ответила она.

– Судя по всему, недавно.

Это не был вопрос.

– Значит, в коммуналке вы оказались после развода?

Алинины глаза широко распахнулись: откуда он мог узнать про коммуналку?!

– Расслабьтесь: я навел о вас справки. Неужели вы полагаете, я позволил бы кому ни попадя лицезреть мою задницу?

– А я-то думала, ваши выводы – следствие применения дедукции! – разочарованно проговорила Алина.

– О, вы знаете умные слова! – насмешливо сощурился Гальперин.

– Я окончила школу и медицинское училище, – сухо ответила она. – Это подразумевает, что я как минимум умею читать и писать.

– Оказывается, она может и зубы показать! – с удивлением и даже вроде бы некоторым удовольствием пробормотал адвокат. – Ну, раз карты вскрыты,

давайте поболтаем без обиняков?

– Мы что, в покер играем?

– Пока не играем. Но если начнем, игра обещает быть занятной!

Алина недоуменно уставилась на Гальперина. О чем он говорит? Они едва знакомы! Он ни разу не выказал ей симпатии – впрочем, и никому другому. К адвокату приходили посетители, некоторые из которых, видимо, состояли с ним в родственных связях. Тем не менее было очевидно, что они делали это по обязанности, отнюдь не горя желанием проводить время у постели адвоката. Что не удивительно, если принять во внимание его вздорный характер и любовь совать нос в дела малознакомых людей!

– Я в азартные игры не играю, – ровно ответила Алина.

– Боитесь, что затянет?

– Боюсь, что зря потрачу время и деньги.

– А хотите их не потратить, а получить?

Вопрос застал Алину врасплох. Как же тяжело разговаривать с этим Гальпериным – он как будто все время пытается подловить ее!

– Я не понимаю…

– Конечно, не понимаете! – перебил он. – Я в курсе, что муженек выпер вас из квартиры в коммуналку. Принимая во внимание то, как вы ломаетесь на работе, он вряд ли вас поддерживает материально. Хоть алименты-то платит?

– Почему вы говорите со мной о таких личных вещах? По-моему, они касаются только меня, и…

– Разумеется, глупая девчонка, они касаются вас! – резко прервал ее Гальперин. – Но если вы и дальше будете продолжать плакать в подушку по ночам и не предпримете никаких действий, то вас и вашего ребенка в

последующие лет пятнадцать ожидает мрачная перспектива. Вы думали, в какую школу он пойдет? Кружки, секции, репетиторы? А как насчет дальнейшего образования? Что вы можете дать ему? Когда вы идете в магазин, вы можете купить сыну робота-трансформера или довольствуетесь киндер-сюрпризом? Ответ очевиден… А ему, я вас уверяю, хочется робота!

Алина тяжело сглотнула. Русик – замечательный ребенок, он почти ничего не просит, как будто знает, что она все равно не сможет ему это купить. Другие дети приносят в детский сад дорогие электронные игрушки, и Русик с придыханием рассказывает дома об этих чудесах техники, но в детском магазине довольствуется тем, что просто рассматривает дорогие товары. Алина пользовалась каждой возможностью порадовать сына, но Гальперин прав: сколько бы она ни трудилась, ей не заработать достаточно, чтобы иметь возможность доставлять удовольствие собственному ребенку!

– Зачем вы все это мне говорите? – растерянно спросила она.

– У меня есть для вас предложение. Вернее, сделка.

«Сделка с дьяволом?» – отчего-то мелькнула в ее голове странная мысль. Но что Алина может предложить такому человеку, как Гальперин? У нее же ничего нет!

– Я адвокат, вы знаете, – продолжал он между тем, словно не замечая ее недоумения. – По разводам.

Алина машинально кивнула.

– Хотите вернуться в вашу квартиру? А еще я могу сделать так, что ваш бывший сильно пожалеет о том, что поступил с вами подобным образом. Ну, мне удалось вас заинтересовать?

* * *

Алсу постучала в дверь заведующего ТОН и услышала резкое:

– Войдите!

Он разговаривал по телефону и знаком указал на диван. Она молча уселась.

– Почему ее нельзя перевести в травматологию? – продолжал он разговор. – Она – ваша пациентка! Операцию ей делали у вас, и… Нет, мы не можем просто удалить протез – а дальше-то что?

Алсу внимательно следила за ртом заведующего – за тем, как двигаются его четко очерченные губы и кадык на шее. Длинные, сильные пальцы нервно постукивали по стильному пресс-папье в виде человеческого мозга, сделанного из черного оникса. Красивая работа. Красивые пальцы.

Голос на другом конце провода, очевидно, продолжал высказывать возражение за возражением, и заведующий раздраженно бросил трубку на базу. Желваки на его лице ходили ходуном, а серые глаза потемнели, став практически черными.

– Что-то случилось? – мягко поинтересовалась Алсу. Они были не в тех отношениях, что предполагают делиться наболевшим, но и оставить случившееся без внимания она не могла.

Владимира Всеволодовича Князева, зава ТОН, за глаза называли Мономахом. Алсу не знала, с чьей легкой руки прилепилось к нему прозвище, но слышала, что случилось это во время учебы в институте. Кто-то сведущий в русской истории обратил внимание на совпадение имени и отчества парня с Владимиром Мономахом[1 - Владимир Всеволодович Мономах – князь смоленский, черниговский, киевский, государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель.], а также на фамилию и решил обыграть все в шутливой манере. Вряд ли шутник предполагал, что идея приживется.

– Вчера доставили пациентку, – медленно, словно все еще размышляя, стоит ли откровенничать, ответил на вопрос Алсу Мономах. – Перелом протезированной шейки бедра.

– Вот же черт! – не сдержалась молодая женщина. – Сколько ей лет?

– Семьдесят четыре.

– О.

– Вот именно. Протез – вдребезги! Ставили его у нас, семь лет назад.

– В травматологии?

Он кивнул.

– А почему тогда к вам доставили?

– Тактаров сказал, «свободных коек нет».

– Ну да, бесплатных нет свободных! – скривилась Алсу. – Все в курсе, что коек нет, поскольку отделение забито платными пациентами, и врачи, включая самого Тактарова, трудятся в поте лица, рубя «капусту» – конечно, у них нет возможности заниматься больной, поступившей по ОМС!

– Вот я и пытаюсь перевести пациентку, но пока не выходит, – хмуро кивнул Мономах.

– Но Тактаров же не может не понимать, что она лежит не по адресу? Что вам с ней делать?

– Он предлагает удалить протез и все вычистить, но это же не выход!

– Разумеется, нужна замена протеза.

– Квот давно не сбрасывали, и Тактаров не желает возиться, – подытожил Мономах. – А ведь это он, лично, ставил ей титановый сустав!

Алсу понимала, что единственный выход в подобном случае – обратиться напрямую к главврачу: только он может обязать Тактарова взять пациентку. То, что зав травматологией – личный друг главврача, знают все. Выходит, жаловаться и требовать справедливости не имеет смысла.

– И что вы будете делать? – поинтересовалась она.

– Понятия не имею… У вас-то ко мне какой вопрос?

Алсу и забыла, зачем пришла!

– Я насчет вашего пациента, Газарова.

– Он не мой, а Карповича. Так что с ним?

– Нельзя оперировать, надо подождать.

– Так плохо?

– Газаров – кардиологический больной, ему, по-хорошему, нужно у нас лежать.

– Ну, Алсу Азатовна, не мы же его силком заставляем – его к нам направили! – развел руками Мономах. – Операция ему показана, но раз вы говорите – нельзя… Вы же понимаете, у нас не отель, и держать непрофильных больных я не имею права. Раз оперировать невозможно, значит, по идее, нужно отправлять его домой. Или к вам перевести?

– Думаю, это можно сделать, – кивнула Алсу. – Найдем для него койку. А потом – снова к вам.

– Отлично!

Она видела, как складки вокруг рта зава ТОН разгладились, и порадовалась, что пусть и совсем чуть-чуть, но облегчила ему существование. Алсу знала, что Мономах переживает непростое время. Он проработал в больнице восемнадцать лет, умудрившись не испортить отношения с коллегами и завоевать уважение персонала. Однако с приходом нового главврача полгода назад многое изменилось, и не в лучшую сторону. «Новая метла» сама по себе является источником стресса, а «метла» в лице Тимура Айдаровича Муратова мела всех без разбора. То и дело Алсу с сожалением выясняла, что очередной коллега, хороший специалист, уходит, не поладив с начальством, а на его место берется темная лошадка, зато – знакомый Муратова. Со спецотделением ТОН и его заведующим у Муратова сложились «особые» отношения. Путем несложных умозаключений она могла предположить, что проблема заключалась в двух вещах. Первой был бывший главный, Павел Афанасьевич Лаврушин, чье место занял Муратов. Случилось это по состоянию здоровья первого, иначе последнему

не видать бы должности как своих ушей – во всяком случае, в этой больнице, считавшейся одной из лучших в городе. Именно Лаврушин перетащил Мономаха сюда и взял над ним шефство, помогая и поддерживая молодой талант, который он сумел вовремя разглядеть. Алсу не знала, какие отношения связывали Лаврушина и Муратова, но догадывалась, что они знакомы – и, скорее всего, друг друга недолюбливают. Второй причиной пристального внимания главврача наверняка являлся своеобразный характер Мономаха. С ним можно договориться, но горе тому, кто попытается подмять его под себя – ни угрозами, ни авторитетом надавить на зава ТОН невозможно. Вот потому-то с самого первого дня занятия Муратовым новой должности между ним и Мономахом началось противостояние, которое рано или поздно должно чем-то закончиться.

– У вас что-то еще? – поинтересовался зав, и Алсу поняла, что таким вежливым способом он предлагает ей завершить «аудиенцию».

Выйдя из кабинета, она пошла к лифту, но настойчивый телефонный звонок заставил ее притормозить.

– Да, мамочка?

– Детка, ты помнишь о сегодняшнем ужине?

– Прости, о каком ужине?

– Ну как же, милая, я ведь несколько раз тебе напоминала! – Голос матери звучал расстроенно. – Дядя Ренат придет, с сыном.

О боже, с сыном – мама в своем репертуаре! Алсу отлично понимала, что это означает: родители не оставляют попыток найти дочке мужа. Ей почти тридцать, карьера складывается успешно, а вот с личной жизнью не ладится. Отчаявшиеся родители постоянно устраивают встречи с друзьями и их детьми, приятными молодыми людьми, однако Алсу до сих пор упорно избегала продолжения знакомств. Похоже, и в этот раз придется сделать над собой усилие, дабы не огорчать папу с мамой!

* * *

Алина чувствовала себя неуютно в пустом кабинете, обставленном по последнему слову эргономики. Ее взгляд скользил по выбеленным стенам, на которых висели абстрактные картины. Алина не понимала современное искусство, предпочитая классическое изображение людей и предметов. Больше всего ей нравились портреты. Алина не разбиралась в живописи, но любила разглядывать человеческие лица. На них читались эмоции, которые натурщики испытывали в момент, когда их запечатлела кисть мастера. По этим застывшим лицам можно сделать предположение о характере людей, о том, какую жизнь они прожили. А разноцветные мазки, хаотично разбросанные по полотну, не производили на нее впечатления. Как-то по телевизору Алина видела сюжет о слоне в зоопарке, который любил набирать в хобот краску, а потом выплескивать ее на холст. Служители прикинули, что на этом можно заработать, и стали продавать слоновьи «картины» в Интернете. Странной была не сама идея, а то, что находилось немало людей, согласных платить деньги за звериное «творчество»!

– Простите, что заставила ждать, – раздался голос у нее за спиной, и Алина вздрогнула от неожиданности. Пересекая кабинет, к ней приближалась маленькая, хрупкая на вид женщина лет пятидесяти, одетая в брючный костюм. Как ей удалось бесшумно открыть дверь и проскользнуть внутрь так, что Алина и не заметила?

– Борис Исаевич в общих чертах рассказал мне о вашем деле, – продолжала дама. – Меня зовут Людмила Семеновна. Могу я называть вас по имени?

Алина кивнула: еще не хватало, чтобы дама вдвое старше нее обращалась к ней по имени-отчеству! Гальперин отзывался об адвокате Арнаутовой как о весьма компетентном профессионале, но делал он это с присущим ему сарказмом:

– Она – как я, только в юбке. Берет дорого и добивает раненых.

Такая характеристика заставила Алину поежиться. Да что там, при каждом взгляде на Гальперина, который, по словам лечащего врача, находится в двух шагах от погоста, у нее мурашки бегали по спине, как блохи на собачьей подстилке – неужели в природе существует его женский аналог? Да она и не пришла бы, если бы не событие, имевшее место вчера, – это оно заставило ее возобновить разговор с капризным пациентом, который поначалу показался бесполезным.

– Гальперин предупредил вас о гонораре? – деловым тоном поинтересовалась между тем Арнаутова.

– Он сказал, вы берете двадцать процентов от выигранной суммы. Только, по-моему, в моем случае это – двадцать процентов от нуля!

– Лишь потому, что вы понятия не имеете о том, что удалось выяснить мне! – возразила адвокат и извлекла из сейфа, стоящего справа от стола, папку. Это была не просто пластиковая папка, а папка розового цвета, украшенная… феями! Точно такую она купила на день рождения подружке Русика по детскому садику. Гальперин, наверное, решил над ней поиздеваться: женщина, хранящая важные документы в файле с феями, не может быть серьезным специалистом! И все же заинтригованная Алина задала вопрос:

– Что это?

– Ваши деньги. И имущество.

– Какое такое имущество? У нас только квартира…

– Ошибаетесь, Алина! – перебила Арнаутова. – Я еще не до конца вникла в дело, но даже то, что знаю на данный момент, позволяет предположить, что мы сделаем вас состоятельной женщиной.

– Состоя… простите, я не понимаю!

– Уверена, что так и есть, – снисходительно улыбнулась адвокат. В ее улыбке не было тепла, лишь необходимая демонстрация человечности для установления доверительности в общении с клиентом. – Вы, конечно, не в курсе, что у вашего бывшего супруга имеется недвижимость, помимо совместно нажитой квартиры?

– Недвижимость? – тупо переспросила Алина. – Н-но я бы знала…

– Как показывает практика, дорогуша, жены последними узнают о реальном состоянии дел супругов, точно так же, как и о наличии у них второй семьи или любовницы!

Алина прикусила губу, осознав правоту собеседницы.

– Алина, – мягко проговорила Арнаутова, хотя глаза ее оставались холодными, – я хочу, чтобы вы поняли: ваш случай – не исключение из правил, а правило. Бывший муж обманывал вас во время брака и продолжает обманывать. Он завел любовницу, и она выше вас по статусу. Наверняка он считает, что привел свою личную жизнь в соответствие с профессиональной. У него есть и деньги, и собственность, которую он приобретал, даже не ставя вас в известность!

– Это неправда! – возмутилась молодая женщина. – Наши отношения испортились, но это случилось недавно, а до этого мы жили хорошо. Мы были счастливы!

– Нет, Алина, это вы были счастливы, – возразила Арнаутова. – Вы создали свой маленький мирок, обслуживали его и думали, что муж это оценит. Вы были нетребовательны, но Георгий не желал довольствоваться малым. Он сумел многого добиться – с вашей помощью. А значит, вы имеете право на часть имущества: в нашей стране, слава богу, существует семейный кодекс! Но ничто в этом мире не дается просто так, все нужно вырывать зубами, понимаете? Надо драться за то, что по праву ваше! Но я вижу, вас беспокоит что-то еще? – нахмурилась она, заметив выражение смятения на лице собеседницы.

– Д-да, есть кое-что…

– Выкладывайте!

– Вчера ко мне приходили из органов опеки.

– Так-так?

– Меня не было дома, и их впустил сосед.

– Очень интересно, продолжайте!

– Они потребовали, чтобы он открыл им дверь. У него есть ключ, на всякий случай…

– Погодите, я правильно понимаю: вас не было дома, но эти люди все равно вошли и даже ворвались в вашу комнату?

– Да…

– Отлично! Что дальше?

– Сосед… он выпивает и не разбирается в таких вещах, но и его удивило, что представительница органов опеки шарила в моем холодильнике и в шкафах.

– Понятно, – спокойно кивнула Арнаутова. – Искали свидетельства того, что вы никудышная мать!

– Что?!

– Не понимаете? В холодильнике должно быть полно продуктов, а в шкафах – качественные детские вещи, что доказывало бы вашу состоятельность как родительницы.

– Но почему я должна кому-то что-то доказывать?

– Боюсь, это моя вина. Я начала копать под вашего бывшего, не встретившись с вами, – делала, так сказать, домашнюю работу… И он, видимо, переполошился.

– Простите, я не…

– Георгий не платит алименты, верно?

Алина кивнула.

– Если всплывут его реальные доходы, вам с сыном причитается приличная сумма. В такой ситуации любой адвокат посоветовал бы ему получить опеку над ребенком и определить порядок проживания с отцом.

– Он может это сделать?!

– Он может попытаться. Но мы не позволим! Даже не думайте сейчас об этом. Обычный трюк отцов, не желающих выполнять свои обязательства. Вам придется мне помочь, Алина. Я могу обещать жесткую борьбу. Придется отбросить мысли о том, что когда-то вы любили мужа. Никаких сожалений. Никакой благотворительности. Пленных не брать!

– Но я не могу так, – пробормотала едва слышно Алина. – Как бы там ни было, Георгий…

– Подумайте о сыне, – прервала ее сбивчивую речь адвокат. – Какой судьбы вы ему желаете?

То же самое говорил и Гальперин. Интересно, они договорились, или такой подход – обычный адвокатский прием?

– Скажите, Георгий общается с Русланом? Он дарит ему подарки, водит в цирк, в парк, на стадион? Звонит поинтересоваться, как живет сын в коммунальной квартире, потому что родной папаша выселил его с матерью из дома, где малыш прожил всю свою жизнь? Я слышала, вы хотели стать врачом, но пришлось остановиться на училище из-за бабушки. А потом – из-за мужа, из-за сына… У вас могла быть карьера в медицине, вы занимались бы любимым делом и пользовались всеобщим уважением, а не выносили бы утки из-под людей вроде Гальперина! Вместо этого вы помогали супругу строить карьеру. Вы готовили ему еду, гладили его рубашки, растили его ребенка – и что получили взамен?

– Простите, вы замужем? – спросила Алина и похолодела от собственной наглости.

– Да, – невозмутимо ответила Арнаутова. – У меня двое детей, они учатся в университете. А еще у меня есть собака и морская свинка.

– Извините… – Алина чувствовала, как ее щеки заливаются краской. А ей-то казалось, что у такого человека не может быть семьи, не говоря уже о домашних животных!

– Скажите-ка, представители органов опеки оставили свои координаты, чтобы вы могли с ними связаться? – спросила тем временем адвокат.

– Вроде нет…

– Вопиющая некомпетентность! Ничего, я выясню, кто именно приходил. То, что они ворвались в дом в ваше отсутствие – не просто правонарушение, а самое настоящее преступление. Они, конечно, станут оправдываться, говорить, что не могли застать вас дома… Кстати, вам звонили, предупреждали о визите?

– Нет, никто не…

– Так я и думала! Не берите в голову, с этой, с позволения сказать, «опекой» я разберусь. Вернемся к нашим баранам. Вы поняли, о чем я вам тут толковала – как мы будем действовать?

– Пленных не брать?

– Умница!

Проведя в кабинете Арнаутовой полтора часа, Алина вышла на улицу и с наслаждением вдохнула пахнущий дождем воздух. Асфальт был мокрым, но светило солнце – судя по всему, непогоду она благополучно пересидела с адвокатшей. На душе у Алины было неспокойно. Больше всего ее волновала ситуация с опекой. До вчерашнего дня она и не предполагала, что Георгий может пойти на такую подлость. Зачем ему в новой семье ее Русик? Она не привыкла сражаться, она ведь не амазонка какая-нибудь! С другой стороны, может, пора ею стать? Если бы не сын, Алина не приняла бы предложение помощи от Гальперина, ведь квартира – такая мелочь по сравнению с угрозой лишиться ребенка! У них с Георгием были хорошие времена, о которых Алина до сих пор вспоминает с теплотой, но последние события заставили ее крепко задуматься. Не о мести – о возмездии. И об элементарной справедливости. Адвокат Арнаутова не выглядела человеком, занимающимся благотворительностью, и взялась за дело Алины не только потому, что оказывала услугу Гальперину. Словно охотничий пес, она почуяла запах денег. А Алине нужен только сын. Однако если к этому прилагается жилье и, может быть, хорошие алименты, она не стала бы возражать. Арнаутовой нужны ее двадцать процентов, и она готова за них побороться. Но для нее эти деньги лишь очередной гонорар, а для Алины – вся жизнь. Разве вся жизнь не стоит борьбы?

Приняв окончательное решение, Алина ощутила облегчение. Ее мысли вернулись к Гальперину. Ей показалось, что Арнаутова не любит этого человека. Он отправил ее к адвокатше, словно не сомневался в том, что Арнаутова не откажет. Какова истинная природа их отношений?

* * *

В сени деревьев, которыми была обсажена идеально круглая лужайка, громко заливалась какая-то птаха. Ее мелодичное пение не мог заглушить даже шум работающей газонокосилки, которую одетый в униформу работник катил перед собой. Погода для конца мая стояла отличная, и за ротанговым столиком, вынесенным на свежий воздух, сидели двое. На столе уютно устроилась плетеная корзинка со свежей выпечкой, пузатый кофейник, две вазочки с вареньем и масленка. На тарелках с темно-синей каймой лежал поджаристый омлет.

– Ты уверен, что поступил правильно, отказавшись принять пациентку со сломанным протезом? – уточнил Тимур Айдарович Муратов.

– А кому, спрашивается, нужен такой геморрой? – с вызовом ответил вопросом на вопрос Игорь Дмитриевич Тактаров, заведующий травматологией. – Квот в последнее время не сбрасывают, оперируются только платные пациенты. Что я стал бы делать с этой теткой? Оплатить повторное протезирование она не в состоянии, но ты же понимаешь, что не это стало основной причиной отказа, да? В сущности, у нас с тобой одна цель – убрать из больнички Князева!

– И как, позволь спросить, это поможет?

– Ну хотя бы так, что теперь проблемы не у меня, а у него. Пусть помечется, побегает, порешает… Рано или поздно ему придется обратиться к тебе.

– Он ни за что этого не сделает – слишком гордый!

– Тогда пусть сам дерьмо разгребает, в любом случае ты в выигрыше! Я вот только одного не пойму: почему ты так его не любишь?

– А ты?

– Ну я-то понятно: его отделение получает все самое лучше. А как насчет моего?

– Ты же знаешь, у него есть спонсоры, ведь не я выделяю деньги из бюджета больницы!

– Князев – везучий черт! Подлатал какую-то шишку из Гордумы – сделал ремонт в отделении; поставил на ноги дочку бизнесмена – вот тебе суперсовременные роботы-тренажеры для интернов… Говорят, скоро у него появится система «Да Винчи»?

– Что значит – «у него» появится? «Да Винчи» будет работать на благо всей больницы, а не только ТОНа! Он ведь не только замену позвоночных дисков может осуществлять, а еще кучу разных вещей делать: резекцию почки, желудочное шунтирование… Короче, если мы и в самом деле его получим, это только на пользу! Князев создает нам положительный имидж, больница на хорошем счету…

– А ты с блеском отчитываешься на совещании в Комитете, – раздраженно закончил Тактаров. – Только вот «положительный имидж» – не благодаря тебе, и все об этом знают. Кстати, ты уверен, что Князев меня подпустит к «Да Винчи»?

– Он проходил специальный тренинг в Москве, как и еще несколько хирургов из кардиохирургии и гастроэнтерологии. Они получили сертификаты, а ты?

– Если бы я мог на что-то рассчитывать, за сертификатом бы дело не стало! Ты ничего не собираешься предпринимать?

– Я не могу прищучить Князева за пожертвования! Деньги проводятся через банк, все «по-белому», адресно – для ТОН. Имена спонсоров известны. Если они желают помочь отделению Князева, я не имею права пойти против их воли и пустить бабки на твое отделение!

Они немного помолчали.

– Ну, я так понял, что-то ты все же сделать намерен, – первым нарушил тишину Тактаров. – Убрать Князева – правильное решение: он неконтролируем. Персонал отделения – настоящая секта, они все повязаны… повязаны чем-то, чего я

объяснить не могу, но каждый из них предан ему, как пес!

– Не преувеличивай, – ухмыльнулся Муратов.

– Ты о чем?

– В любом коллективе найдется хотя бы один человек, недовольный своим положением. Или тот, с кем можно договориться.

– И у тебя есть на примете такой человек? – Лицо Тактарова прояснилось.

Муратов многозначительно закатил глаза.

– Нужно, чтобы Князев совершил ошибку, – сказал он. – И тогда у меня будут развязаны руки…

* * *

Нубар Зебетовна Мейроян, бабушка Севана, оказалась дамой колоритной. Лицо ее было словно высечено из цельного куска гранита. Чувствовалось, что вынужденное пребывание в лежачем положении для нее мучительно, но внук принял решение – в силу немалых лет продержать бабушку в постели до полного выздоровления.

– Ну, детка, значит, это вас мой заботливый внук приставил ко мне в качестве надзирателя? – с интересом разглядывая Алину, проговорила Нубар Зебетовна. В отличие от Севана, говорила она с акцентом. – Боже, сколько же вам лет?!

Ну почему все об этом спрашивают?

– Двадцать три.

– Выглядите на шестнадцать!

Алина решила не комментировать слова пожилой женщины. Вместо этого она спросила:

– «Уточку» не желаете?

– Деточка, я прекрасно могу сама дойти до туалета, ведь мне дают такое хорошее обезболивающее!

– Севан Багратович строго-настрого предупредил, чтобы я не позволяла вам вставать!

– И какие еще указания дал вам мой внучок? – нахмурилась Нубар Зебетовна.

– Не разрешать вести долгие телефонные беседы или сидеть в Интернете, не давать читать ночью, не…

– Достаточно, достаточно! – со вздохом прервала Алину пациентка. – Ненавижу больницы! Странно, да?

– Мягко сказано, – не могла не улыбнуться Алина. – Учитывая, что в вашей семье как минимум три поколения врачей!

– Пять, дорогуша, – усмехнулась Нубар Зебетовна. – Пять поколений: дед моего мужа работал в больнице, основанной Манташевым, вплоть до самой революции!

– А кто такой Манташев? – не удержалась от вопроса Алина (черт бы побрал ее природную любознательность!)

– Был такой российский нефтяной магнат, деточка, Александр Иванович Манташев. Вместе с несколькими единомышленниками он создал «Армянское благотворительное общество на Кавказе». Посылал молодых, талантливых армян учиться в лучшие учебные заведения Европы, строил театры и больницы. Дед моего мужа был одним из тех, кого приметил Манташев. Он учился в Париже, потом вернулся и работал в больнице своего, как теперь говорят, спонсора.

Пожилая женщина рассказывала так интересно, что Алина на некоторое время позабыла, зачем находится в палате: низкий, глубокий голос Нубар Зебетовны как будто гипнотизировал ее.

– А что потом случилось? – спросила девушка. – После революции?

– Да ничего особенного, – пожала плечами пациентка. – Он же был медиком, а республике требовались квалифицированные врачи. Овсеп Багратович был обласкан новой властью. Ему не пришлось уезжать из страны, как многим его современникам, приспосабливаться к чуждому образу жизни… Я всегда говорила моему любимому внуку, что овцы должны жить с овцами, а козы – с козами!

– Что, простите? – переспросила Алина, не уследив за внезапной сменой темы.

– А то, что жениться Севану следовало на ровне, но разве он слушал свою старую бабку? Нет, нашел себе какую-то посвистушку, модельку, прости господи, вот и получил по носу, как щенок!

Алина слышала, что Мейроян недавно развелся. Мономах пресекал сплетни в отделении, но даже он не настолько всесилен, чтобы запретить слухам проникать сквозь стены и находить благодарные уши.

– Самое неприятное, – продолжала бабушка Мейроян, – что адвокат, который в прямом смысле слова развел моего Севана, лежит здесь, в его отделении!

– Вы Гальперина имеете в виду?

– А как же, его! Эх, если бы я могла дойти до его палаты, сказала бы пару ласковых этому жулику!

– Почему вы называете его жуликом?

– Что это вы тут обсуждаете – не мою ли скромную персону? – раздался мягкий голос. Алина не заметила, как в палату неслышно вошел Севан Мейроян.

– Ну как же иначе! – расплылась в улыбке пациентка. – Других тем у нас и быть не может, ведь весь мир вертится только вокруг тебя!

Алина не сомневалась, что мир бабушки Мейроян – определенно вращается вокруг внука. Стоило лишь увидеть этих двоих рядом, как становилось ясно, что ближе них на всем свете парочки не сыщешь.

– Ты уж не выдавай всех моих секретов, Нуби-джан, а то ведь мне еще работать в коллективе! – с укоризной покачал головой Севан.

– Алиночка будет молчать, – отмахнулась Нубар Зебетовна. – Верно, милая? Кстати, спасибо тебе за эту чудную девочку!

– Откуда ты знаешь, что она чудная?

– Она первая, кто с порога не исковеркал мое имя!

– Если доктор здесь, я, пожалуй, пойду, – заторопилась Алина. – Приду часа через два, хорошо?

– Иди, детка, – согласилась бабушка Мейроян. – Мы поболтаем позже!

* * *

Когда Алина вошла в палату, одна из ходячих пациенток стояла у полураскрытого окна и кормила птиц. Голуби подбирали кусочки хлеба внизу, на земле, зато чайки, крупные и жирные, с дикими воплями подлетали близко к окнам и хватали подачки на лету, чуть ли не из рук. Больная Суворова полулежала на подушке, прислоненной к железной спинке кровати, и наблюдала за процессом.

– Катюша, бросьте им и от меня хлебца! – попросила она соседку по койке. Та, подойдя к тумбочке, взяла с тарелки припасенное для птиц угощение.

– Это что еще такое? – громко поинтересовалась Алина. – Ольга Викторовна, что за фокусы: к еде не притронулись, а хлеб идет на корм чайкам?

– Да вот как-то нет аппетита, Алиночка, – попыталась оправдаться Суворова. Она казалась такой маленькой и жалкой, что к горлу девушки подкатил комок. Алина

привыкла, что пациенты заискивают перед средним медперсоналом даже больше, чем перед врачами, ведь от медсестер во многом зависит их благополучие в больнице. Татьяна посмеивалась над этим, говоря, что ее можно купить только за рубли, а «сюсю-мусю» пусть оставят при себе. Она без зазрения совести принимала от больных купюры, а шоколадки, купленные ими в больничном буфете, сваливала в ящик стола с презрительными словами:

– Если я буду лопать всю эту «благодарность», у меня случится диабетическая кома!

За двое суток Алина не видела у Суворовой посетителей. Скоро у Мономаха начнутся неприятности, ведь он не имеет права держать пациентку в отделении, ничего не делая. Да и «ничегонеделание» в данном случае не выход, ведь внутри у женщины – сломанная титановая конструкция и осколки собственной кости. Это значит, что может начаться заражение. Мономаху придется вытаскивать эндопротез, а потом… Вот в этом самом «потом» и заключается проблема!

Алина подложила пациентке «утку» и подождала, пока та сделает свои дела.

– Спасибо вам, Алиночка, – кряхтя, произнесла Суворова, откидываясь на спинку койки.

– Это моя работа, – улыбнулась она. – Приподнять вам подушку?

– Если не трудно…

Алина устроила больную поудобнее.

– Алиночка, вы не в курсе, как там решается моя судьба? – поинтересовалась Суворова, с надеждой вглядываясь в ее лицо.

– Видите ли, Ольга Викторовна…

– Все плохо?

– Нет, нет, с чего вы взяли? Просто Моно… заведующий отделением сейчас как раз занимается вашим вопросом.

– Почему меня не положили в травматологию?

– Нет свободных коек. Может, если освободится…

– А если нет, что тогда?

– Владимир Всеволодович что-нибудь придумает. Ольга Викторовна, у вас есть родственники?

Пациентка покачала головой.

– Была сестра, старшая. Умерла год назад.

– Мне очень жаль… А подруги? Есть кто-то, кто мог бы сходить в Комитет по здравоохранению и поставить вас в очередь на протезирование?

– Очередь?

– Насколько я знаю, на данный момент в нашей больнице нет квот, но, может, где-то еще есть? Тогда мы организовали бы ваш перевод, но этим нужно заниматься. Вы можете кому-то позвонить?

Суворова пожала плечами.

– Все мои подруги и знакомые – моего возраста. И я еще самая активная! Была по крайней мере… – Она выразительно посмотрела на свои ноги, накрытые потертым шерстяным одеялом. – Они не смогут бегать по инстанциям, выбивая мне квоту! Да и я не смею их обременять… Что со мной будет?

– Владимир Всеволодович обязательно разберется! – с уверенностью, которой не чувствовала, пообещала Алина. Но, в самом деле, должен же быть выход? Бабушка любила говорить, что выход существует из любого положения, просто мы не всегда достаточно упорны, чтобы его найти. Слишком часто опускаем руки раньше времени, решив, что все пропало.

Проходя мимо кабинета Мономаха, Алина притормозила. Помявшись, постучала.

– Войдите! – раздался властный голос.

Переступив порог кабинета, Алина увидела, что заведующий вводит в компьютер какие-то данные из лежащей перед ним стопки бумаг. Он поднял на нее глаза.

– Алина?

– Владимир Всеволодович, я насчет Суворовой.

– Что-что случилось?

– Пока нет, но…

– Алина, можно покороче? У меня уйма бумажной работы, а через двадцать минут операция!

– Я только хотела спросить, что вы намерены делать с Суворовой?

Мономах отодвинул от себя бумаги, словно они мешали ему говорить, и взъерошил короткий ежик русых волос, на висках тронутых сединой.

– Присядь-ка, – устало проговорил он, кивая на стул напротив. Она послушно опустилась на сиденье, не сводя с него взгляда. Алина редко разговаривала с завом с глазу на глаз. Бывало, он бросал ей какое-то указание, но, будучи хирургом, гораздо чаще Мономах общался с операционными медсестрами. Алина лелеяла мечту подучиться и тоже перейти в операционные, ведь это гораздо более престижное занятие, чем ставить капельницы и подсовывать «утки» под зады пациентов. Но пока это оставалось лишь мечтой: у нее нет времени на учебу, ведь нужно зарабатывать деньги…

– Честно говоря, – проговорил между тем зав, – я понятия не имею, что делать!

Столь откровенное признание заставило Алину испытать чувство благодарности к человеку, старше нее и выше по положению, который удостоил ее доверием настолько, что высказал вслух свою неуверенность. Начальство редко позволяет себе проявлять слабость в присутствии подчиненных, но Мономах знал, каким уважением пользуется у персонала, а потому не боялся время от времени показать свою «человеческую» сущность.

– Надо вытаскивать сломанный протез, – продолжал Мономах. – Это однозначно, но что делать потом?

– Есть надежда, что ее примут в травму? – робко спросила Алина. – Ведь, в сущности, Суворова – их пациентка!

– Сомневаюсь, что это произойдет. Кроме того, бесплатных эндопротезов все равно нет, хоть в травме, хоть у нас!

Алина не могла избежать слухов, гуляющих по больнице, поэтому знала, что у Мономаха проблемы с главным. Также она знала, что зав травматологией – друг Муратова. Алина была девушкой достаточно сообразительной, чтобы сделать верные выводы.

– Я так понимаю, что квот в этом году не будет? – снова начала она.

– Квоты могут появиться, – со вздохом ответил зав, – но Суворова ждать не может: если мы извлечем протез, нужно его заменить сразу. В противном случае женщина останется в лежачем положении надолго, а родни, которая могла бы о ней позаботиться, нет.

– А как насчет соцработника?

– Соцработник может купить продуктов и приготовить еду, но он не станет выносить горшки и делать то, что входит в обязанности сиделки. Кроме того, Суворова не считала нужным в свое время позаботиться о назначении ей соцработника. Я звонил в Комитет и просил предоставить квоту ввиду чрезвычайных обстоятельств, но мне отказали: ждут денег из Москвы, заначек нет.

Оказывается, за время своего кажущегося бездействия Мономах сделал все возможное, чтобы найти способ помочь Суворовой!

– Извините, Владимир Всеволодович, – пробормотала она. – Я думала…

– Ты думала, что я тут штаны зазря просиживаю?

В его глазах заплясали огоньки веселья. Лицо при этом оставалось серьезным, и девушка засомневалась, не почудилось ли ей.

– Нет, но я…

– На самом деле я рад, что ты зашла.

– Правда?

– Это говорит о том, что тебе не все равно. Современная молодежь… черт, я рассуждаю, как старик, да?

– Что вы, вовсе нет! – поторопилась возразить Алина. – Так что вы все-таки намерены делать?

– Попытаюсь подержать Суворову какое-то время после операции, а потом, может, удастся перекинуть ее в другое отделение – скажем, в кардиологию? В конце концов, за ней будет обеспечен уход. А там, глядишь… Погоди, не уходи: у меня вопрос о Гальперине.

– Что вы хотите знать, Владимир Всеволодович?

– Он не слишком тебя достает?

– Не слишком, – улыбнулась она. – И потом, в таких тяжелых случаях характер частенько портится!

– Гальперин всегда был засран… в смысле, он всегда был дрянью.

– Вы раньше были с ним знакомы?

– Не лично.

Она надеялась, что Мономах продолжит, но он не счел возможным обсуждать свои источники информации с подчиненной.

– Ты – единственный человек, который с ним поладил, – добавил он. – Все, кто до тебя пытался ухаживать за адвокатом, были изгнаны из палаты с позором!

– Разве я не первая?

Это стало для нее новостью.

– До тебя были Татьяна и Ольга.

– Татьяна была платной сиделкой Гальперина?!

– Ровно три часа: он устроил скандал, требуя ее заменить. Слава богу, скоро он выписывается!

– Домой, умирать?

– Я – хирург, Алина, – ответил на это Мономах. – Не бог, понимаешь? Операция ему не показана, и у него здоровое сердце, несмотря на то, что организм разрушается раком. Мы сделали все, что зависело от нас, а теперь им должен заниматься онколог. У тебя все?

* * *

– Вы не можете этого требовать!

С этими словами Георгий ворвался в кабинет адвоката Арнаутовой. В руке он держал изрядно помятый файл с бумагами, лицо его полыхало гневом. Алина сжалась в комочек на стуле, мечтая сделаться невидимой. Арнаутова предупреждала, что реакция экс-супруга не заставит себя ждать. Позади

Георгия маячила мужская фигура. Алина предположила, что это – адвокат бывшего мужа.

– Дверь! – спокойно произнесла Арнаутова.

– Что?! – злобно сверкнув глазами, переспросил Георгий.

– Дверь прикройте за собой.

– Да я…

Не дожидаясь, пока клиент выскажется, юрист Георгия сделал то, о чем просила Арнаутова.

– Благодарю, – ровным голосом сказала она. – Присаживайтесь.

– Нет уж, я лучше постою! – рявкнул Георгий.

– Как угодно. Тогда вы, – обратилась она к сопровождающему его мужчине. – Простите, мы не знакомы?

– Юрий Олегович Буряк, – представился тот. – К вашим услугам, – добавил он после паузы. Фраза прозвучала старомодно и даже неуместно в данных обстоятельствах.

– Замечательно, – равнодушно отреагировала Арнаутова. – Я так понимаю, у вас имеются возражения в отношении наших предложений?

– Возражения?! – взревел Георгий. – Какое отношение она, – он ткнул пальцем в сторону Алины, – имеет к моим разработкам? Это – интеллектуальная собственность!

Алина отметила, что он обращается не к ней, а к Арнаутовой, понимая, что весь этот абсурд не может исходить от его тихой жены, не обладающей достаточным умом даже для того, чтобы постичь коварные замыслы своего адвоката.

– Согласна, – перебила Арнаутова. – Интеллектуальная собственность. Запатентованная, заметьте! – Алина увидела, как с адвоката Георгия сползает маска безразличной самоуверенности.

– Ну и что? – с вызовом спросил Георгий, не обращая внимания на громкие покашливания своего представителя. – У меня все по закону. Я плачу налоги…

– Рада за вас, – холодно прервала его Арнаутова. – Только я – не налоговая инспекция. Я представляю вашу бывшую супругу и могу доказать, что ее притязания правомерны.

– Что это значит?

– Вы законопослушный гражданин, – со змеиной улыбкой продолжала Арнаутова. – Поэтому вы зарегистрировали ваши разработки в «Роспатенте».

– И?

– Я проверила даты, когда вы это сделали: они относятся к периоду вашего брака с моей доверительницей. Это означает, что ей принадлежит половина дохода от всех игр, оформленных в вашу собственность до развода.

Георгий выглядел ошарашенным.

– Это правда? – спросил он своего адвоката. Выражение лица последнего не сулило ничего хорошего.

– По сути, – крякнул он, – так и есть.

– Алина, а ты-то чего молчишь? – внезапно решил почтить вниманием бывшую жену Георгий. У него не осталось аргументов, и он пытался воззвать к ее природному человеколюбию. – Ты же ни в малейшей степени не приложила руку к тому, чем я занимаюсь – как ты можешь выдвигать столь абсурдные требования?!

Но Алина и рта раскрыть не успела.

– Вы не правы, Георгий Петрович, – вместо нее ответила Арнаутова. – Ваша экс-супруга – женщина в высшей степени разумная и, не побоюсь этого слова, милосердная. Она вовсе не желает вас обобрать… Хотя, если подумать, много бы игр вы создали, если бы ваши вещи не были заботливо выстираны, еда приготовлена, а в доме не царил порядок? Если бы ваш сын не получал должного ухода и образования? А ведь эти обязанности целиком лежали на моей доверительнице! Она делала ваше существование комфортным. Почему мужчины никогда не в состоянии этого оценить?

Во время воспитательно-просветительской речи адвоката на лице Георгия отражалась целая буря эмоций. Алина вдруг поняла, что для ее бывшего выводы, сделанные Арнаутовой, стали откровением. Он искренне считал, что обязан своему успеху исключительно собственной персоне, и сейчас, возможно, его настигло озарение.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, кто убирает мусор, Георгий Петрович? – продолжала между тем Арнаутова.

– Что?

– Ну кто не позволяет вам зарасти грязью и откачивает ваше дерьмо в канализацию? Сравнение не самое лестное для вашей бывшей жены, но оно позволяет вникнуть в суть. Представьте, что мусорщики и ассенизаторы забастовали и отказались выполнять свою работу – как думаете, сколько времени вы продержитесь? Алина не бастовала, не отлынивала от своих обязанностей, хотя и сама работала. А вы, когда вдруг решили изменить свою жизнь, почему-то забыли об ответственности. И главное, о сыне, который нуждается как в вашей моральной, так и материальной поддержке! Сколько раз со времени развода вы навестили его, подарили подарок, позвонили по телефону спросить, как дела? У вас существует устная договоренность о финансовом обеспечении ребенка. Выполняете ли вы ее, Георгий Петрович?

Георгий молчал. Алина не знала, делал он это из-за отсутствия аргументов или на самом деле испытывал что-то вроде стыда.

Буряк громко кашлянул, привлекая внимание присутствующих.

– Все это очень интересно, Людмила Семеновна, – проговорил он, – но нельзя ли ближе к делу?

– Я как раз к этому подхожу, – невозмутимо отозвалась адвокат. – Моя доверительница не желает наказывать вас, она лишь просит то, что принадлежит ей по праву. Насколько мне удалось узнать, у вас, Георгий Петрович, есть недвижимость. Во-первых, квартира в центре города, где ваша семья проживала до того, как вы выдворили их в коммуналку. Вам хоть раз пришло в голову поинтересоваться, что за контингент проживает на этой жилплощади и не опасно ли малолетнему ребенку оказаться в таком окружении? Ну да ладно, сейчас речь не о том. Думаю, будет справедливо, если вы вернете бывшей семье жилье. Вот тут написано, чего еще мы хотим. – Арнаутова передала адвокату два листка печатного текста. – Да и, самое главное: вы откажетесь от попыток изменить место жительства сына, это – жалкая месть, а трюк с «налетом» органов опеки в отсутствие моей клиентки и вовсе ни в какие ворота не лезет! В качестве ответного шага моя доверительница откажется от притязаний на вашу интеллектуальную собственность.

– Да вы шутите! – не сдержался Буряк, пробежав глазами документ.

– Всего лишь фиксированная сумма алиментов, – пожала плечами Арнаутова. – Тут гораздо меньше, чем назначит суд, если мы туда обратимся. Мне известен ваш ежемесячный доход, Георгий Петрович!

– Интересно, кто предоставил вам сведения? – нахмурился Буряк. – Они получены противозаконным путем…

– Вам придется это доказать. Если вы решите инициировать расследование, представляете, какое долгое разбирательство вас ожидает? Не говоря уже о том, что налоговая станет проверять каждую строчку ваших доходов. Рано или поздно выяснится, что вы недоплачиваете в бюджет, а также то, каким образом вы заполучили справку о доходах, которую так недальновидно выслали мне в начале нашего общения. Сколько там – тридцать пять тысяч в месяц, кажется? Вы в курсе, Георгий Петрович, что за подделку документов существует статья? Если нет, то господин Буряк вас просветит.

– Хорошо, хорошо! – с тяжелым вздохом произнес Георгий, вновь обретая дар речи. – Допустим, я соглашусь. Где гарантии, что впоследствии Алина не захочет изменить условия?

– А мы составим соглашение, – ответила Арнаутова и снова полезла в папку с феями. – Вот, я тут кое-что набросала. – Она пасанула ему несколько листков через стол. – Думаю, вашему адвокату стоит ознакомиться!

Когда мужчины покинули кабинет, Алине показалось, что воздух разрядился, тогда как до этого она буквально кожей ощущала напряжение.

– А вы не слишком… того, Людмила Семеновна? – несмело спросила она.

– Бросьте, Алина: вы же не жизни его лишаете! Учтите на будущее: всегда нужно просить заведомо больше, чем можно получить. Скромность хороша в сказках. В обычной жизни это – отнюдь не добродетель. Люди, которые не решаются выдвигать требования, остаются у разбитого корыта и до конца жизни жалеют себя, превращаясь в неудачников. Не становитесь одной из них! Помните наш девиз?

– Пленных не брать?

– Именно!

* * *

Ужин у родителей обещал стать сущей пыткой. Мать заставила Алсу переодеться в платье в национальном татарском стиле. Сама Алсу предпочитала джинсы, когда речь шла о неформальной обстановке, и брюки и блузки, если намечалось что-то более торжественное. Предполагая второе, она надела к родителям черные слаксы и белую блузу, решив, что выглядит вполне респектабельно. Однако мать считала иначе, и спорить с ней, в то время как в гостиной уже заседали гости, не имело смысла. Зато появление Алсу произвело фурор. Дядя Ренат, восхищенно цокая языком, вскочил с места и кинулся к ней с распростертыми объятиями, приговаривая:

– Султанша! Шахиня! Махарани!

Алсу, дежурно улыбаясь, позволила ему повращать себя вокруг собственной оси, дабы рассмотреть во всей красе платье и вышивку. Она знала дядю Рената с детства, как и его сына Ильдара. Ильдар на семь лет старше и, как подозревала Алсу, понятия не имел о ее существовании: когда они встречались в гостях или на праздниках, он едва удостаивал ее взглядом. Во всяком случае, так было до того, как он уехал учиться в Кембридж. С тех пор они не виделись. Время от времени Алсу слышала от родителей, что Ильдар работает с отцом в его фирме, занимающейся медицинским оборудованием, но это мало ее интересовало: он был человеком из детства, кем-то, чей образ ассоциировался с куклами Барби и тортом на день рождения – и только.

– Как же ты изменилась! – воскликнул Ильдар, когда дядя Ренат вдоволь на нее насмотрелся и позволил взглянуть и остальным присутствующим. – Ты была такая маленькая! – Стоя на каблуках, Алсу оказалась выше него.

– Дети растут, знаешь ли, – хмыкнула она, разглядывая того, кто всегда пренебрегал ее обществом. Ильдар тоже изменился. Несмотря на то, что ему всего тридцать четыре, под отлично сшитым пиджаком явственно обозначилось брюшко. Волосы все еще густые, но, если судить по почти голому черепу дяди Рената, ненадолго. Красотой Ильдар не отличался, но ухоженность и качественная одежда компенсировали недостаток природной привлекательности. Он отодвинул стул, чтобы Алсу могла присесть.

Обед прошел в разговорах о бизнесе дяди Рената и грядущем папином повышении в Комитете по здравоохранению. Ильдар выглядел заинтересованным, однако умудрялся следить за тем, чтобы ее тарелка оставалось полной. После ужина он пригласил Алсу прогуляться. Она собиралась отказаться, но поймала предупреждающий материнский взгляд и согласилась.

– Что ты так на меня смотришь? – спросила она, прервав свою речь. Они уже около часа бродили по набережной, глядя на отражающиеся в гладкой воде неярко горящие фонари на фоне светлого майского неба.

– Да вот, любуюсь, – усмехнулся Ильдар. – И удивляюсь.

– Чему? – нахмурилась Алсу, ожидая подвоха.

– Пока я пытался заинтересовать тебя беседами об Англии, театре и поэзии, ты молчала и делала вид, что увлеченно слушаешь. Но стоило спросить о работе, как ты стала невероятно разговорчивой!

– Извини, – пробормотала она смущенно.

– Да нет, все нормально, – отмахнулся Ильдар. – Прекрасно, когда человек любит свою работу.

– А ты разве не любишь?

– Я всегда знал, что стану работать с отцом. Меня все устраивает: хорошая зарплата, общение с приличными людьми. Офис опять же шикарный! – Он улыбнулся, демонстрируя отличную работу стоматолога.

– А чем бы ты хотел заниматься? – поинтересовалась Алсу, переводя взгляд на воду и их колеблющиеся отражения в ней на фоне фонарных столбов. – В смысле, если бы не работал с дядей Ренатом?

– Чем? – Ильдар выглядел озадаченным. – Ну я рисую неплохо… Даже художественную школу окончил когда-то, представляешь?

– Рисуешь в свободное время?

– Нет.

– Почему?

– Наверное, настроение пропало… Но я бы нарисовал тебя. Что скажешь?

– Меня?! – растерялась Алсу. Предложение позировать для портрета означало повторные встречи, а она ничего подобного не планировала. Алсу выполняла дочерний долг, угождая родителям – только и всего!

– Ты отлично получишься, – добавил Ильдар, глядя на нее так, словно прикидывал в уме композицию будущей картины. – В том платье, которое было на тебе за ужином. – Алсу перед прогулкой переоделась в брюки и блузку, в

которых пришла к родителям.

– Я не знаю, честно… – пробормотала она, тщетно пытаясь придумать отговорку.

– Ты много работаешь, я понимаю, – кивнул Ильдар. – Но пару-то часов хотя бы раз в неделю выкроишь? Твоим маме с папой понравится. Они могут повесить тебя в гостиной… то есть твой портрет, конечно!

Надо было срочно переводить разговор в другое русло, но Ильдар вдруг задал неожиданный вопрос:

– А этот Мономах, он что, и в самом деле так крут, как ты описываешь?

– Почему ты спрашиваешь?

– Просто ты через слово о нем упоминаешь. Он же вроде не твой начальник?

– Он зав ТОН… то есть травматолого-ортопедическо-нейрохирургическим отделением, – ответила Алсу. – Но нам часто приходится общаться. По работе. И – да, он крут. Лучший хирург в больнице. К нему со всего города народ просится!

– Молодой или старый?

– Ему сорок шесть.

– Надо же!

– В смысле?

– Ты так сразу ответила…

– Все в больнице знают, сколько лет Мономаху, – пожала плечами Алсу. – Он же этого не скрывает! Пошли домой, а? Холодно что-то.

* * *

Ольга Суворова испуганно таращилась на мужчину и женщину в белых халатах, пришедших к ней с визитом. Один – еще куда ни шло, но присутствие двоих говорило о том, что дела плохи. Особенно если принять во внимание факт, что мужчина – заведующий отделением.

– Ольга Викторовна, я назначил операцию на завтрашнее утро! – бодро объявил Князев. – Это, – он кивнул на молодую докторшу, – кардиолог, которая приглашена оценить состояние вашего сердца. Ее зовут Алсу Азатовна Кайсарова.

– Операцию? – тяжело сглотнув, переспросила осипшим голосом пациентка. – Я тут с сестричкой разговаривала, она сказала, что квот нет…

– Пока нет, – кивнул зав, и вокруг его плотно сжатых губ обозначились складки. – Но мы будем пытаться решить проблему.

– Будете пытаться? Но я же не смогу ходить, если вы вынете протез!

– Ольга Викторовна, давайте будем реалистами: разве сейчас вы ходить в состоянии?

– Но вы не переживайте, – вмешалась кардиолог. – После операции полежите здесь, а потом мы переведем вас в кардиологию. Или еще куда-нибудь, где вы сможете дождаться квоты.

– А если не дождусь? – тихо спросила Ольга. – Что, если квот не будет?

– Такого не случится! – резко ответил Князев. – Даже если не будет потока квот, то единичные все равно спустят, а мы поставим вас на очередь как наиболее нуждающуюся. Да, к вам еще анестезиолог зайдет, – добавил он. – Все будет в порядке!

Вот за что Алсу уважала Мономаха, так это за его отношение к пациентам. Несмотря на годы работы, которая кого хочешь заставит очерстветь душой, он порой проявлял участливость, не свойственную медикам в целом, а хирургам – в особенности. Им подавай обездвиженное тело, которое можно резать (для его же блага, само собой). Если «тело» способно открывать рот, задавать вопросы и

высказывать опасения, они теряются и начинают вести себя вызывающе, что пациент вполне способен оценить как грубость. Сочувствие к пациенту нынче не в моде; фильмы типа «Доктора Хауса» тоже внесли свою лепту, и врачи предпочитают бравировать профессионализмом, принося ему в жертву человечность. Но кто, в конце концов, более всего достоин сочувствия, как не прикованный к постели человек, находящийся целиком во власти людей в белых халатах?

– Все хорошо, – ободряюще сказала она, проводив Мономаха до выхода из палаты. – Я поговорила с Полиной Геннадьевной…

– Я не сомневаюсь в высоких душевных качествах вашей заведующей, – перебил Мономах.

– Но в чем же тогда дело?

– Главный интересовался делами Суворовой.

– Если он так заинтересован, почему не устроил ее на травматологию?

– Пути начальства неисповедимы! Алсу Азатовна, займитесь пациенткой: если все в порядке, завтра утром я ее прооперирую, а дальше – как судьба распорядится.

С этими словами Мономах вышел, едва не врезавшись в медбрата, который перетаскивал по коридору сразу несколько стоек с капельницами.

– Черт! – выругался он. – Глаза у тебя есть, Алексей?!

– Простите, Владимир Всеволодович! – забормотал паренек, густо краснея под свирепым взглядом зава. У него был такой виноватый вид, что вся злость Мономаха испарилась.

– Не бери в голову, – проговорил он. – Не стоит таскать такой «букет» по всему отделению. – Он кивком указал на стойки, которые медбрат с трудом пытался удержать в двух руках, уберегая от падения. – Лучше несколько раз сходить, верно?

Паренек кивнул, обрадованный, что не пришлось оправдываться. Не все врачи в отделении отличались мягким нравом, и порой ему доставалось.

Проводив взглядом спину зава, Алсу вернулась к койке пациентки, ожидающей ее вердикта. За ней, гремя стойками, семенил медбрат.

* * *

Алина даже надеяться не могла, что все разрешится так скоро: вот она стоит в своей квартире и не знает, кого благодарить больше – судьбу, Гальперина или Арнаутову.

Единственное, что огорчало, – это ощущение пустоты: Георгий не смог отказать себе в удовольствии во второй раз лишить бывшую жену мебели. Русик уже пронесся по комнатам, изображая маленький самолет.

– Надо было оговорить обстановку в соглашении, – пробормотала адвокат, оглядывая пустое пространство. – И как я не догадалась?

– Бросьте, Людмила Семеновна, это же такая ерунда! – воскликнула Алина, сияя. – Мебель можно купить!

– Точно, – согласилась адвокат. – Правда, денег в ближайшее время вы не увидите: адвокат вашего экс-супруга пытается уменьшить сумму алиментов, но квартиру им отдать пришлось сразу.

– Все благодаря вам!

– Я получаю свои двадцать процентов, не забывайте!

Еще раз окинув орлиным взором пространство, Арнаутова направилась к выходу. У порога она обернулась со словами:

– Если позволите, дам вам один совет. – Алину удивило, что на обычно самоуверенном лице адвокатессы обозначилась нерешительность. – Что бы Гальперин у вас ни попросил взамен своей услуги, десять раз подумайте,

прежде чем соглашаться!

– Он может попросить о чем-то плохом?

– Вы кажетесь неглупой и должны понимать, что просто так ничего не делается. Если бы то, чего он от вас хочет, было легко получить, Гальперин и не посмотрел бы в вашу сторону. Значит, это определенно что-то плохое. Он – страшный человек, Алина, а вовсе не добрый дядечка, пекущийся о вашем благополучии. Он сказал вам об условиях?

– В общих чертах, – пробормотала девушка, ощущая неприятный холодок.

– Время намеков прошло. Услуга оказана, и, как бы пафосно это ни звучало, сделка с дьяволом заключена. Вам придется выбирать, выполнять условия или нет. Но, боюсь, выбора вам Гальперин не оставит: он всегда добьется желаемого. Даже с того света!

Сказав это, Арнаутова распахнула дверь и шагнула на лестничную площадку. Алина тихонько прикрыла дверь и пошла в гостиную, где Русик увлеченно разбирал сумку с игрушками.

* * *

– Я хочу знать, как такое могло произойти! – бушевал Муратов. Он даже соизволил выдернуть из кресла свой увесистый зад, чтобы нависнуть над сидящим перед ним Мономахом. – Как женщина, признанная достаточно здоровой, могла умереть в реанимации после успешной операции?

– Пожилая женщина, – устало уточнил Мономах. – Инфаркт, что поделаешь!

– А вы вызвали специалиста из кардиохирургии? Может, это его косяк?

– Кардиолог ни при чем. У Суворовой была неплохая кардиограмма, в соответствии с возрастом. Но любое хирургическое вмешательство чревато риском: даже удаление гланд может закончиться смертью!

– Не надо читать мне лекцию по хирургии! – огрызнулся Муратов. – Хорошо еще, что она не на столе умерла! Вы уверены, что должным образом подготовили пациентку к операции? Может, следовало подождать…

– Ждать было нельзя, – перебил Мономах. – У нее в бедре болтался сломанный протез, и его требовалось удалить во избежание необратимых последствий!

– Куда уж необратимее, это ведь мне придется отбиваться от родственников старушки, а не вам!

– Нет у нее родственников. Во всяком случае, никто ее не навещал, и даже оформить индивидуальную программу реабилитации оказалось некому.

– Родичей нет, когда надо помогать, а как претензии предъявлять, сразу находится целая толпа «неравнодушных»!

– Тимур Айдарович, чего вы хотите от меня?

Главный на пару мгновений задумался. А действительно, чего? Обрушивая на Мономаха свой гнев, он лишь выражал неприязнь, которую этот человек вызывал у него с первого дня на новом месте. То, что случилось, не являлось из ряда вон выходящим событием – просто пожилая женщина не перенесла операцию. Не выдержало сердце, никто не застрахован. Муратову нечего предъявить Мономаху. Во всяком случае, пока.

– Идите, – подавив вздох разочарования, сказал он хирургу. – И молитесь, чтобы у этой вашей Суворовой не обнаружилась родня, жаждущая мести!

Выйдя за дверь, Мономах почувствовал, что ему катастрофически не хватает воздуха. Такое случалось каждый раз, когда приходилось общаться с Муратовым, который словно бы поглощал вокруг себя кислород, погружая окружающих в вакуум. Игнорируя свободный лифт, гостеприимно раскрывший перед ним створки, он распахнул дверь на лестницу и бегом преодолел несколько пролетов. Под самой крышей бывший главврач оборудовал что-то вроде зимнего сада. Небольшое светлое помещение украшали растения в кадках и репродукции картин итальянских художников с видами Неаполя. Интересный выбор, если учесть, что экс-главный в жизни не выезжал в дальнее зарубежье. У окна примостился столик с электрическим чайником и кофеваркой, а в ящиках

лежали чашки и пластиковые стаканчики. С самого начала повелось, что сюда приходили только врачи. Младший и средний медицинский персонал даже не пытался переступить порог, хотя официального запрета не существовало. Кто содержал в порядке помещение и следил за запасами кофе и чая, Мономах понятия не имел, да и пользовался этим «оазисом» лишь в крайних случаях, когда необходимо укрыться от любопытных глаз. Как раз сейчас ему требовалось побыть в одиночестве. Без того, чтобы кто-то барабанил в дверь с вопросами и проблемами, без телефонных звонков и визитов пациентов.

Раздвинув французское окно, Мономах шагнул на крышу и опустился на нагретую солнцем металлическую поверхность. Его соседями оказались голуби, принимающие солнечные ванны, да чайки, носившиеся над балконами в ожидании подачек. Прислонившись спиной к стене, Мономах прикрыл глаза и попытался сосредоточиться. Почему она умерла? Он столько сделал, чтобы облегчить ей существование! Договорился о переводе в кардиологию, напряг народ из сестринского ухода, чтобы подвинули очередь для остро нуждающейся – и каков результат? Мономах не переставал спрашивать себя, почему так переживает. В конце концов, не впервые он теряет пациента, а Суворова умерла даже не на столе…

– Владимир Всеволодович?

Повернув голову, он увидел стоящую в проеме окна Кайсарову. Вот уж сюрприз так сюрприз!

– Как вы меня нашли?

– Вас нет у себя, не было на обходе, и я знала, что вас вызывали к Муратову.

– Больница большая!

– Я и сама прихожу сюда, когда мне плохо.

– Значит, вы в курсе?

– Разумеется, и с себя вины не снимаю…

– Да бросьте, при чем тут вы! Кардиограмма была нормальная, ее диабет не препятствовал операции…

– Тогда почему вы здесь?

– Вы правы, меня здесь быть не должно, – кивнул Мономах, поднимаясь на ноги и подходя к окну. Алсу посторонилась, пропуская его внутрь.

– Я пришла не для того, чтобы вас прогнать!

– А для чего вы пришли – посочувствовать?

– Я понимаю, что случившееся дает Муратову козырь против вас. И разве я, как и почти все в больнице, не в курсе, что он спит и видит, как бы вас выдавить?

– Да вам-то какое дело? – пожал плечами Мономах. – Вы вообще из другого отделения!

– То есть мне должно быть наплевать? – вскинула красиво очерченные брови девушка.

Мономах стоял к ней так близко, что невольно в голову пришла странная мысль: они никогда не находились на столь коротком расстоянии друг от друга. Обычно беседовали на бегу, в коридорах, у него в кабинете или в палате, в присутствии посторонних. Он мог рассмотреть ее темные глаза, полные губы и тонкий нос с нервно раздувающимися ноздрями.

Она первой его поцеловала. Мономах сделал то, что и любой здоровый мужчина – ответил на поцелуй со всей страстью, на какую был способен, подогреваемой злостью на себя, на Муратова и даже на несчастную покойную Суворову.

Скрипнула, открываясь, дверь. Алсу и Мономах отпрянули друг от друга так стремительно, словно между ними из-под земли внезапно вырвался столб огня.

– Ой, простите! – раздался скрипучий голос. – Я думала, тут никого…

Маленькая женщина в белом халате, согбенная тяжестью лет и, видимо, прогрессирующим заболеванием суставов, проскользнула в проем, держа в руке туго набитый пакет.

– Я принесла чай и кофе! – добавила она, словно пытаясь оправдать свое появление. – И сахар.

И незнакомка принялась деловито хозяйничать у тумбочки, раскладывая принесенное добро.

– Думаю, мне пора, – пробормотал Мономах и попятился к двери. – Пациенты ждут.

Чтобы сгладить неловкость ситуации, Алсу сказала, обращаясь к женщине:

– Так, значит, это вы пополняете запасы провизии?

– Точно, – кивнула та. – Меня обычно не замечают, ведь я стараюсь приходить, когда здесь пусто. Извините, коли потревожила!

– Нет-нет, что вы! – поспешила опровергнуть предположение Алсу. – Мы просто разговаривали. Случайно, знаете ли, столкнулись.

– Ну да, ну да, – понимающе закивала незнакомка. – Конечно же, случайно, ну да…

Чувствуя, что краснеет, Алсу направилась к выходу. «Маркитантка» на нее не смотрела, расставляя на тумбочке упаковки с пластиковыми кофейными стаканчиками.

* * *

Все валилось из рук. Алина сама не понимала, почему так переживает, ведь она почти не знала эту пациентку – так, перекинулась парой слов. Утром девушка видела Мономаха лишь мельком, но не могла не заметить, что он выглядел не лучшим образом. Все в отделении знали, что его вызывали «на ковер»

к главному, а это уж точно ничего хорошего не сулило.

– Эй, вы что, ополоумели?!

Раздраженный окрик вернул Алину к действительности. В тазике, который держал под собственным подбородком Гальперин, расплывались кровавые разводы.

– Ой, извините! – всполошилась девушка.

Гальперин требовал, чтобы она брила его опасной бритвой – он, видите ли, так привык и своих привычек менять не собирался. Каждая процедура становилась для Алины пыткой, и она вздыхала с облегчением, только когда заканчивала. Но в этот раз ее мысли занимала трагическая смерть пациентки, и она, должно быть, отвлеклась.

– Я сейчас все исправлю! – сказала Алина, вскакивая.

– Исправит она! – проревел Гальперин, и девушка застыла с бритвой в руке, напуганная неожиданным взрывом гнева адвоката. – Руки у вас, что, из задницы растут?!

– Простите, я… – пролепетала она.

– Закрой рот, идиотка! Пошла вон отсюда! И пусть придет кто-нибудь с мозгами!

Вылетев за дверь, Алина привалилась к ней всем телом, сжимая в руках тазик. Что на него нашло? Ну да, Гальперин не самый милый человек на свете, но подобного поведения он себе еще ни разу не позволял. Мог отпустить язвительное замечание – на грани оскорбления, возможно, но эту самую грань он умудрялся не переступать. Скорее всего, сказывалась профессиональная осторожность. Но Гальперин только что обозвал ее идиоткой!

Переведя дух, Алина заставила себя мыслить здраво. Что взять с больного человека? Может, у него начались боли? До сих пор адвокат переносил свое положение стойко, и наркотики ему не требовались. Надо спросить, не навещал ли Гальперина кто-то из родственников или знакомых – вдруг это их визит вывел

его из себя, а она, Алина, только подлила масла в огонь его гнева?

Войдя в сестринскую, она застала там Татьяну. Такое впечатление, что девица вообще не покидает комнату – как ни зайдешь, она тут чаек попивает, а пациенты жалуются, что сестричку не дозовешься. А что может сделать Мономах? Очередь на занятие этой «престижной» должности не стоит, так что приходится терпеть кадры вроде Лагутиной. Один бог знает, где зав берет деньги на зарплату двух нянечек, работающих посменно, но насколько хватит его резервов, неизвестно!

– Ты чего такая взъерошенная? – равнодушно поинтересовалась Татьяна, закидывая в рот шоколадный трюфель.

– Пациент шалит, – пробормотала Алина.

– Гальперин, что ли?

– Ага.

– Тебе, подруга, еще повезло!

– То есть?

– Разве не слышала, что тут ночью творилось?

– Нет… А что творилось-то?

– Ольгу твой пациент раз десять дергал – то ему не так, это не эдак… Вместо того чтобы к отходу на тот свет готовиться, адвокатишка никак не успокоится. Два шага до края могилы, черт бы его подрал!

– Так что стряслось? – поторопила Татьяну Алина, боясь, что та начнет разглагольствовать на свою любимую тему о том, что больница работала бы гораздо эффективнее, если бы в ней вовсе отсутствовали пациенты, напоминая этим некоторых правительственных чиновников, считающих, что нормальному функционированию государства мешает только наличие населения.

– Что случилось, спрашиваешь? Да кончилось тем, что Гальперин запустил в Ольгу уткой, прикинь!

– Что-о?

– Хорошо еще, она увернуться успела, но мочой таки он ее забрызгать умудрился – утка-то полная была… Вот и тебе досталось!

На лице Татьяны читалось удовлетворение, как будто бы она давно ожидала чего-то такого. Да что там ожидала – надеялась!

– Я всегда говорила, что Гальперин – псих ненормальный, – добавила Лагутина, прежде чем Алина успела ответить. – Только ты с ним поладила, да и то потому, что у тебя напрочь отсутствует чувство собственного достоинства.

– Мне платят не за чувство собственного достоинства, а за уход, – процедила Алина и сама себе поразилась: как правило, именно Татьяна в разговорах с ней показывала зубы. Чтобы сгладить неловкость, она добавила: – В конце концов, Гальперин – всего лишь больной человек. Его раздражает, что он вынужден беспомощно валяться на больничной койке, вместо того, чтобы выступать в зале суда. Думаешь, легко такому человеку зависеть от чужой помощи?

– Жаль, что в нашей стране запрещена эвтаназия, – мечтательно проговорила Лагутина, откусывая кусок от очередной конфеты. – Все было бы гораздо проще!

– Кто тут говорит об эвтаназии? – спросил Леха Жданов, стремительно врываясь в сестринскую. – Я что-то пропустил, и у нас появилось право убивать неудобных пациентов – ну тех, с кем лень возиться?

Алину всегда интересовало, что Леха тут делает. Все-таки медсестра – исконно женская профессия, и мужчины редко стремятся к подобной «карьере».

– Посмотрите, яйца курицу учат! – протянула Татьяна.

– Не знал, что ты курица! – усмехнулся Леха, и Лагутина едва не поперхнулась трюфелем от такой наглости. – Так что там насчет эвтаназии?

Вопрос был обращен к Алине.

– Мы просто…

– Да ладно! – зло процедила Татьяна. – Я говорила, что к Гальперину следовало бы применить эвтаназию, если бы она была разрешена законом. Ему осталась максимум пара месяцев, но за это время он успеет попортить нервы куче народу!

– А ты не забыла, подруга, что эвтаназия невозможна без согласия пациента? – нахмурился Леха.

– А вот и неправда! – парировала Татьяна. – Если пациент не в состоянии принять решение по причине нахождения в беспомощном состоянии…

– То решение принимают его родственники, – закончил Жданов. – Но, если я правильно понимаю, Гальперин не в таком положении? – он снова обращался к Алине.

Она молча кивнула.

– Так ты, выходит, об убийстве говоришь? – уточнил он, глядя Татьяне прямо в глаза.

– Да пошел ты! – надулась она и, захлопнув крышку коробки со сладостями, сунула ее в ящик стола. – Идиот!

Подытожив свое мнение о Лехе этим веским словом, Татьяна горделиво выплыла из сестринской.

– Не слушай ее, – дружелюбно посоветовал Жданов, разваливаясь на коротком диване. – Она – дура.

Алина была благодарна парню за вмешательство, но на душе у нее кошки скребли.

* * *

– То есть ты ничего не собираешься делать? – уточнил Тактаров, недовольно хмурясь.

– А чего ты от меня ждешь? – ответил вопросом на вопрос главный. – Старуха померла от остановки сердца. Не на столе Мономаха, заметь! Он мог провести операцию самостоятельно, но обратился к твоему Стасову…

– Через мою голову, между прочим!

– Ты же отгулы взял, припоминаешь? А Стасова хлебом не корми, дай только кого-нибудь порезать. Впрочем, как и всем вам, «потрошителям»!

– Я уверен, Мономах намеренно дождался момента, когда меня не было на месте!

– Не забывай, что Суворова – твоя пациентка, – перебил Муратов. – Ты отказал, и ее отправили в ТОН. Так ведь все было?

– Я действительно делал Суворовой операцию по замене тазобедренного сустава, – неохотно признал Тактаров, – но это было давно. Моей вины в том, что она упала и сломала его, нет!

– А кто тебя обвиняет? – пожал плечами Муратов. – Но и Мономах не виноват. Я тщательно изучил документы. У Суворовой из хронических заболеваний – только стандартные возрастные изменения в сердце и диабет. Мономах все сделал правильно: он не стал проводить операцию до тех пор, пока не заручился поддержкой эндокринолога и кардиолога…

– Кардиолога – это Кайсаровой, что ли?

– У тебя есть сомнения в ее компетентности?

– Не в компетентности, а в непредвзятости.

– Поясни!

– Они любовники.

– Кто?

– Ой, да брось, Тимур! Кайсарова прикроет Князева, даже если выяснится, что она не давала добро на хирургическое вмешательство! А он ни за что не признает, что поторопился с операцией.

– Ты не прав. Как ни прискорбно признавать, он провел работу, пытаясь решить проблему Суворовой.

– Уверен, если копнуть поглубже…

– Да не хочу я «копать»! – раздраженно перебил приятеля главный. – Не нужны мне неприятности! А если делом заинтересуется ОМР[2 - ОМР – Отдел медицинских расследований, несуществующая государственная организация при Комитете по здравоохранению. Изобретение автора.] – что тогда делать?

– А что делать?

– Ты не подумал, что всплывет твой отказ принять Суворову в свое отделение по «Скорой»? А ну как они койки посчитают, и выяснится, что у тебя не только были свободные на момент поступления пациентки, но и что платные больные поступают на якобы бесплатные места, тормозя очередников? И твое отделение не единственное в больнице, мне тут, знаешь ли, всякие там комиссии ни к чему!

– Ну да, конечно: когда толстосумов привозят ко мне, а их отнимает Князев – это в порядке вещей, а когда я…

– Ты Гальперина имеешь в виду? Так он сам потребовал, чтобы его в ТОН перебросили, причем в письменном виде. Что я мог поделать? Он платит, а хозяин – барин!

– Хорошо, – махнул рукой Тактаров, – а как же вскрытие?

– Какое вскрытие?

– Суворовой, естественно!

– Вскрытия не будет, я уже отдал распоряжение патологу. Полежит денька два в нашем морге, и, если родственники не объявятся, похороним за государственный счет. Мы не обязаны назначать вскрытие пожилой пациентки, умершей от естественных причин!

– Ты чего-то опасаешься? – решил уточнить Тактаров. – Гурнов при вскрытии может что-то обнаружить?

– Да что он обнаружит-то? – развел руками Муратов. – Какую-нибудь патологию сердечного клапана? Так в ее возрасте это дело житейское! Говорю тебе, Князев сделал все как положено: если бы он и дальше откладывал операцию, Суворовой грозило заражение крови. Если мы хотим прижать Мономаха, придется придумать что-то другое, не задевающее моих интересов. Ты меня услышал?

* * *

В кабинете, помимо Мономаха, находились еще два человека. Женщине было, наверное, лет тридцать пять, и она ничем не отличалась от сонма блондинистых красоток, регулярно посещающих клиники пластической хирургии. Ее кожа была ровно настолько же загорелой, губы так же полны, а ногти окрашены в тот ярко-розовый цвет, который, как ошибочно полагают, идет светловолосым дамам. Мужчина по контрасту выглядел невзрачным. Лет пятидесяти, полный, с короткими ручками, сложенными на выпирающем животике, он смотрелся бы совершенно непримечательно, если бы не модная стрижка и ухоженная венецианская бородка. О статусе говорили также хороший костюм и золотая булавка на галстуке.

Алине не понадобилось больше двух секунд, чтобы заметить, что Мономах не в духе, и она не могла взять в толк, чем вызвала недовольство начальства.

– Присаживайтесь, – бросил он, кивая на свободный стул. То, что зав обратился к ней на «вы», еще больше насторожило медсестру: похоже, дело плохо! Но что же она сделала?

– Речь о вашем подопечном Гальперине, – не стал тянуть с объяснениями Мономах. Неужели адвокат пожаловался?

– Я – Богдан Тимофеевич Красько, адвокат Инны Гальпериной, – заговорил полный мужчина с бородкой. – Инна Петровна – супруга Бориса Исаевича. Вы, наверное, знакомы?

Алина видела Гальперину у своего пациента, и у нее сложилось впечатление, что тот не слишком радовался ее появлению. Инна Петровна ей не представлялась, но Алина и так поняла, кем она приходится адвокату. А вот водитель адвоката, который дневал и ночевал в его палате, определенно недолюбливал супругу работодателя. Они даже пару раз поцапались в присутствии Алины, и Гальперин вместо того, чтобы пресечь перебранки, похоже, наслаждался ими… Зачем супруге адвоката понадобился адвокат? Если Гальперин желает подать на Алину в суд за то, что она плохо его побрила… Бред какой-то!

– Я в чем-то провинилась? – пробормотала она.

– Что вы, милочка, что вы! – смешно засучил короткими ручонками адвокат. – Ваш уход – выше всяческих похвал!

– Не знаю, что бы мы без вас делали, – встряла Гальперина. Голос у нее оказался низкий, приятный, но несколько диссонирующий с внешностью вечной нимфетки. – Спасибо вам, Алина!

Девушка не ожидала, что вместо обвинений услышит похвалы, поэтому растерялась еще больше. Если все так здорово, зачем же ее вызвал Мономах?

– Понимаете, дорогуша, – снова заговорил адвокат, – дело весьма, гм, деликатное. Я бы даже сказал, щепетильное. Алина, не замечали ли вы за Борисом Исаевичем чего-то, э-э… странного?

– Странного?

– Ну, может, он бывал груб? – пояснила жена Гальперина. – Или на него накатывали вспышки ярости, неконтролируемого гнева в вашем присутствии?

– А почему вы спрашиваете? – задала она вопрос, но взгляд ее был устремлен на Мономаха.

– Супруга адвоката Гальперина собирает свидетельства его возможной недееспособности, – ответил зав, прежде чем его успел опередить кто-то из посетителей. Лицо его было мрачнее тучи. Алина видела, что ситуация Мономаху не нравится и он с удовольствием убежал бы, только бы не общаться с этими людьми. Быстрый взгляд, который метнул на зава Красько, был далек от доброжелательности.

– Видите ли, Алиночка, – надеясь, что уменьшительно-ласкательный суффикс смягчит жесткость последующих высказываний, начал он, – Борис Исаевич всегда, гм… отличался крутым нравом, но он, как бы это поточнее выразиться, держался в рамках приличия. Мы, юристы, не можем себе позволить неосторожных выражений и поступков. Вы меня понимаете?

Алина промолчала. Красько и не ожидал ответа, продолжив:

– Еще до того, как Борис Исаевич попал в вашу больницу с травмой позвоночника, с ним случались приступы внезапной ярости. Потом он отходил. И он, знаете, будто бы даже не помнил, что произошло! Вы, должно быть, слышали о скандале с дежурной сестрой, Ольгой… как ее? – Он перевел вопросительный взгляд на Мономаха, сидевшего с поджатыми губами. Зав не счел нужным подсказать фамилию, и адвокат вновь обратил взор на сидящую перед ним Алину. – Это же ни в какие ворота!

– Больные люди порой ведут себя странно, – осторожно ответила Алина. – Им больно, страшно или неудобно, но это не означает, что они ненормальные!

– Разумеется, нет! – согласно закивал Красько. – Борис Исаевич – человек в высшей степени умный и интеллигентный, но его нынешнее состояние, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Его измучила болезнь, он, неверное, принимает какие-то тяжелые препара…

– Наркотиков ему не прописывали, – перебила адвоката Алина. – Что касается онкологии, то, если верить Виктору Геннадьевичу…

– Это наш онколог, – пояснил Мономах в ответ на вопросительный взгляд Красько.

– Опухоль растет таким образом, – продолжила Алина, – что пока не вызывает сильной боли. Конечно, со временем она разрастется настолько, что закроет пищевод, однако может случиться, что Борису Исаевичу повезет, и он не испытает «раковых» болей вовсе.

– А его травма? – вмешалась супруга Гальперина. – Как же обезболивающие?

– Только обычные. Ему назначено консервативное лечение, и ничего, что может повлиять на психику, ему не дают.

– Да я не об этом! – отмахнулся Красько. – Вот вы, Алина, сказали бы, положа руку на сердце, что Борис Исаевич полностью адекватен?

– Я не психиатр.

– И все-таки, как человек, находящийся с ним в близком контакте…

– Разве кого-то в его положении вообще можно назвать «полностью адекватным»?

– Вот-вот! – хлопнул себя по толстым коленям адвокат. – Борис Исаевич ведет себя неразумно. Мы с Инной Петровной пытаемся не позволить ему совершить поступки, о которых впоследствии он будет сожалеть. То, как он ведет себя с близкими людьми, доказывает, что Борис Исаевич способен наворотить дел! Он испортил отношения с родственниками, в последнее время с ним невозможно разговаривать…

– Я, конечно, тоже не психиатр, – медленно произнес Мономах, – но мне кажется, что вздорный характер не может считаться диагнозом!

– Вы не понимаете… – начал было Красько, но зав предупреждающе вскинул руку, призывая его помолчать.

– Если бы это было не так, – продолжал Мономах, – то снаружи стен психиатрических лечебниц оказалось бы гораздо меньше народу, чем внутри.

– Мы не имеем намерения объявлять Бориса Исаевича сумасшедшим, боже упаси! – воздел руки к потолку адвокат. – Но если удастся доказать, что он лишь частично дееспособен, то его дела не пострадают, и мы сможем без потрясений дождаться его возвращения из больницы.

– Я не понимаю, что вам нужно от меня? – спросила Алина. – Все, что могла, я рассказала!

– Правильно, давайте непосредственно к делу, – закивал Красько. – Нам нужна ваша подпись, Алина. – И он привычным жестом метнул на стол листок бумаги.

– Что это?

– Психиатрическое освидетельствование Бориса Исаевча.

– Погодите, – возразила она, – как я могу такое подписывать?

– Ну, конечно же, это не совсем освидетельствование, – снова встряла Гальперина. Алина заметила, что на этот раз в ее голосе звучало плохо скрываемое раздражение. – Психиатр посетил моего мужа и сделал выводы, которые в ближайшее время изложит на бумаге и представит официально. То, что мы просим вас подписать, Алина, своего рода свидетельские показания.

– Свидетельские?

– Про приступы неадекватного поведения, – подсказал адвокат. – Простая формальность, поверьте! Вот, смотрите, кое-кто из персонала уже подписал. – И он ткнул толстым пальцем в низ документа, туда, где и в самом деле стояли подписи медсестер Лагутиной и Малинкиной.

Пробежав глазами короткий текст, Алина покачала головой.

– Простите, но я не стану подписывать, – сказала она.

Лицо Красько утратило доброжелательность, и он бросил косой взгляд на Гальперину.

– Позвольте узнать, почему? – поинтересовался он, пытаясь вернуть ускользающее выражение обратно на физиономию. – Нам доподлинно известно, что Борис Исаевич и с вами умудрился поругаться!

– Это не так.

– То есть?

– Ничего особенного не произошло, все в рамках общения «медсестра – пациент».

– Но, простите, ведь он наорал на вас!

Любопытно, кто мог «настучать» Красько и этой крашеной выдре о случившемся? Татьяна? Леха? Хотя Гальперин так кричал, что его вопли могли слышать и в коридоре!

– Борис Исаевич держался в рамках.

– По-моему, вы не осознаете… – начал Красько, но Алина не позволила ему продолжать.

– Я все отлично осознаю, – сказала она. – Как и Борис Исаевич. Извините, но я не смогу вам помочь!

– В чем дело? – растерянно поинтересовалась она у Мономаха, когда разъяренные посетители шумно покинули кабинет заведующего.

– В бабках, полагаю, – устало вздохнул он, взъерошив волосы пятерней. – Человек еще жив, а стервятники уже делят добычу!

– Они действительно могут признать Гальперина недееспособным?

Зав пожал плечами.

– Он – самый неприятный субъект, с которым мне приходилось иметь дело за последние лет пять, – добавил он после паузы, – но я не назвал бы его неадекватным. Ты со мной согласна?

– Абсолютно!

– Гальперин и вправду на тебя набросился?

– Я сама виновата, порезала его во время бритья.

– Да за такое убить мало!

Глаза Алины распахнулись, но тут губы зава тронула улыбка.

– Ладно, иди отсюда, – подавляя вздох, приказал он. – И не бери в голову: ты все правильно сделала… Вернее, не сделала.

Она подходила к сестринской, когда ее нагнала Гальперина.

– Алина, погодите, пожалуйста! – попросила женщина. Она выглядела расстроенной, и Алина решила послушать.

– Давайте присядем? – продолжала Гальперина.

Обе опустились на неудобные пластиковые стулья, выстроенные вдоль стенки. Они походили на те, что ставят на трибунах стадионов. Возможно, не просто походили, а и служили там длительный срок, прежде чем оказаться в больничном коридоре.

– Вы просто обязаны мне помочь! – почти всхлипнула Инна Петровна, и Алина увидела, что ее глаза наполняются слезами. – Я не представляю, что делать!

– Успокойтесь, – пробормотала Алина, протягивая Гальпериной пакетик с бумажными платочками – она всегда носила в кармане халата «НЗ». Жена

адвоката с благодарностью вытащила один и промокнула потекшую тушь.

– Я хочу, чтобы вы понимали, в каком положении я оказалась, – продолжила она. – Мы с Борисом женаты шесть лет, но последние полгода стали сущим адом. Три месяца назад ему поставили жуткий диагноз, и я честно пыталась скрасить его последние дни. Боря лечиться не хотел, говорил, что раз все равно терминальная стадия, то бесполезно ерепениться, но мне удалось заставить его пройти «химию». Врач сказал, что нужно еще две, но Боря чувствовал себя так плохо после первой, что отказался наотрез! Он сказал, что, сколько бы ему ни осталось, проживет это время полноценно, а не в горизонтальном положении с постоянными рвотными позывами и прочими последствиями бесполезного лечения.

– Понятное желание, – кивнула Алина. А как бы поступила она сама? Стала бы бороться, цепляясь за жизнь, или отдалась на волю судьбы, прекратив трепыхаться? Нет, определенно, она испробовала бы все способы, чтобы выжить! Если бы не Русик, возможно, Алина ответила бы по-другому, но сын был крепким канатом, привязывающим ее к поверхности земли. И даже со смертью она бы поборолась… Но, судя по всему, у Гальперина такого каната нет.

– И я так считаю, – закивала головой Инна Петровна, и ее тщательно уложенные крутые локоны запрыгали вокруг лица, словно пружинки. – Я старалась облегчить ему существование. Вы наверняка успели понять, что характер у Бориса не сахар. У нас брачный контракт, понимаете?

Алина про себя поздравила Гальперина, до конца оставшегося верным профессии и не питавшего иллюзий, беря в жены молодую женщину. Вряд ли она влюбилась без памяти, а не повелась на деньги, власть и авторитет. Ну а адвокат женился на хорошенькой кукле, которая могла составить ему компанию во время выходов «в свет».

– Представляете, что Боря удумал? – всхлипывала Инна. – Вдруг о разводе заговорил! Разве это можно считать здравым суждением? Человек буквально на краю могилы…

– Он может прожить достаточно долго, – заметила Алина.

– Дай бог, дай бог, – затрясла локонами Гальперина, но ее слова звучали неискренне. В такой ситуации каждый думает о себе. Так поступала и Инна. Ее пугала не смерть супруга, а то, что он может расторгнуть брак до того, как умрет. Тогда, по брачному контракту, каждый останется при своем. И это означает, что Гальпериной придется начинать жизнь сначала, а ведь она успела привыкнуть к определенному образу жизни.

– Может, все не так плохо? – проговорила Алина, изо всех сил пытаясь вызвать в себе сочувствие к собеседнице. – Если вы убедите его…

– Бесполезно! – перебила Инна, и в ее голосе зазвенели истерические нотки. – Борис не желает разговаривать! Я искала врачей, я занималась его лечением… И никакой благодарности!

«Почему он захотел развестись? – подумала Алина. – Какая ему разница, ведь он даже лечиться отказался! Что может заставить человека, находящегося на пороге смерти, пройти через такую процедуру?»

– Я уже говорила, – сказала она вслух, – что не могу подписать ваш документ. Это было бы непра…

– Вот, возьмите! – Гальперина буквально силой втиснула ей в руки свернутый в несколько раз пластиковый пакет. – Подумайте как следует: мы ведь обе женщины, да?

– Алина, почему ты не рабочем месте? – раздался грозный окрик. Повернув голову, она увидела приближающегося Мономаха. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Девушка хотела вернуть пакет Гальпериной, но та уже вскочила на ноги.

– Инна Петровна, вы отвлекаете моих подчиненных от их обязанностей! – сухо продолжал Мономах.

– Я ухожу, – ровным голосом ответила жена адвоката. Создавалось впечатление, что это не она буквально минуту назад хлюпала носом, рассказывая о своих злоключениях.

Алина проводила взглядом ее удаляющуюся спину, прямую, как стиральная доска. Мономах тоже не задержался, но медсестра поймала его осуждающий взгляд. Понял ли он, что она держит в руках? Алина не обманывалась насчет того, что находится в пакете, а зав отнюдь не дурак, да и поведение жены адвоката предсказуемо. Алина тупо уставилась на пластиковый пакет с котятами. Интересно, Гальперина заранее подготовила его, не будучи уверена в силе убеждения Красько, или распотрошила кошелек уже после визита к Мономаху? Пыталась ли она подкупить и его до того, как Алина вошла в кабинет? Если так, то ничего не вышло, иначе под документом стояла бы его подпись, а сам он попытался бы убедить Алину выполнить просьбу Гальпериной. Но что он теперь подумает? Она должна была сразу вернуть пакет Инне, но внезапное появление Мономаха сделало возврат невозможным: как бы они обе выглядели, если бы Алина начала отпихивать пакет, преодолевая сопротивление?!

Первым ее порывом было кинуться следом за Мономахом, чтобы объяснить, что произошло на самом деле, однако она не успела его осуществить.

– В пятой палате практикантка никак в вену не попадет! – пыхтя и отдуваясь, выпалила тетя Глаша, ковыляя по коридору к Алине. – Иди давай, а то она до смерти пациентку залечит!

Бросив последний взгляд в сторону, куда ушел заведующий, Алина подавила вздох и, сунув сложенный пакет в карман халата, поспешила за санитаркой.

* * *

Алину одолевали тревожные мысли. То, что супруга Гальперина пыталась всучить ей деньги, а главное – то, что Мономах стал свидетелем этого, выбило ее из колеи. Развернув дома пакет, она увидела внутри десять банкнот по пять тысяч – Инна не поскупилась! Надо обязательно все вернуть, только вот как? Может, она снова придет в больницу, и тогда у Алины появится шанс? Но что же теперь, постоянно носить такую большую сумму с собой в надежде встретиться с супругой адвоката? Деньги жгли ей руки – надо же, впервые она поняла, что означает эта поговорка!

Уложив Русика в постель и почитав ему на ночь сказку, Алина устроилась в гостиной отвоеванной у бывшего мужа квартиры, закуталась в шерстяной плед

и, желая отвлечься от тяжелых раздумий, потянулась за купленным в больничном киоске женским романом. В такие вечера Алина жалела об утрате телевизора, который Георгий вместе с другими «трофеями» утащил «с поля боя», как метко выразилась адвокат Арнаутова. Под мерное жужжание голосов незнакомых людей на экране легче избавиться от гнетущего чувства одиночества. Алина не привыкла находиться одна. В больнице она окружена коллегами и пациентами, а дома сынишка заполнял своей маленькой персоной каждый свободный сантиметр пространства. Но сейчас, когда он мирно спал в детской, Алина остро ощущала вакуум вокруг себя. Тишина, несмотря на отсутствие телевизионных шумов, не была полной. С улицы доносились звуки проезжающих авто, на потолке мелькали световые пятна от фар и фонарей, однако внутри квартиры Алина слышала лишь собственное дыхание да громкое, навязчивое тиканье часов.

Отложив книжку, она поднялась и прошла в кухню. Открыв холодильник, достала початую бутылку вина, подаренного Арнаутовой на повторное новоселье, и плеснула немного в бокал. Хорошо, бывшему не пришло в голову забрать и посуду: он счел ее слишком хрупкой для перевозки и недостаточно дорогой. Алина немного подержала вино во рту, прежде чем проглотить. «Вот до чего я докатилась! – с удивлением подумала она. – Выпиваю одна, как заправская алкоголичка!» Снова распахнула дверцу холодильника и достала упаковку сыра – так, по крайней мере, создается видимость закуски. Вернувшись в гостиную, Алина вновь взгромоздилась на диван и, лениво пощипывая сыр, вернулась к чтению.

Она и не заметила, как заснула, а проснувшись, не сразу поняла, что ее разбудило. Оказалось, телефон. Вернее, звук, который он издает при получении текстового сообщения. Открыв его, Алина несколько минут непонимающе пялилась в экран. Нет, она не пойдет, хватит с нее неприятностей! С другой стороны, как не пойти? Бабушка говорила, что нужно держать слово, а если не уверена, что сможешь, не стоит опрометчиво его давать. Но ведь бабушка понятия не имела, в какой ситуации окажется ее внучка! Она взглянула на часы: половина второго. Кто, спрашивается, по доброй воле выходит из дома в такое время? Правда, на улице светло, ведь сейчас пора белых ночей, но все равно неуютно брести куда-то в полном одиночестве. Да и как она доберется? Можно, конечно, взять такси…

Алина нацепила джинсы и майку, накинула шерстяную кофту и вышла в прихожую. Не включая свет, чтобы Русик, не дай бог, не проснулся, нащупала

кроссовки и натянула их на босу ногу.

Абсолютно уверенная, что совершает ошибку, Алина тихонько прикрыла за собой дверь.

* * *

Мономах не сразу сообразил, что звенит у него в ухе. Только когда шершавый язык влажно коснулся его небритой щеки, он понял, что ухо в порядке, а звонит на самом деле телефон. Не открывая глаз, он отпихнул ирландского волкодава, запрыгнувшего на кровать, и нащупал мобильный.

– Влад? Это Гурнов.

Остатки сна слетели с него, как не бывало: патологоанатом не стал бы звонить без причины.

– Ты сделал вскрытие?

– Ты в курсе?

– Аутопсии Суворовой?

– Нет, разумеется! Я про Гальперина.

– С какой ста…

– Ваш бузила помер ночью! – не дослушав, выпалил Гурнов, и Мономах едва удержал в руке трубку. – Муратов уже прискакал, хоть и воскресенье. Говорят, как сел на телефон, так и трындит с кем-то… Ты спишь, что ли?

Мономах взглянул на циферблат электронных часов: начало первого! Нормально, с учетом того, что лег он около двух ночи. И тут до него окончательно дошел смысл сказанного патологом: адвокат Гальперин, головная боль всего отделения, умер, и главный приехал в больницу в выходной день «расследовать» обстоятельства его смерти!

– А от чего он умер-то?! – пробормотал он. – Еще в пятницу все нормально было…

– Ну, было – не было, я не в курсе. Знаю только, что лежит он у меня в прозекторской, совершенно без признаков жизни. С другой стороны, у него ведь терминальная стадия рака, так что сам понимаешь.

– Ерунда какая-то… Ты будешь проводить вскрытие?

– Прискакала женка гальперинская и настрочила отказ: говорит, нечего потрошить страдальца, и так он натерпелся!

– Он ночью умер, так кто же ее предупредил?

– Понятия не имею. На самом деле, – добавил Гурнов с нотками удивления в голосе, – и впрямь непонятно, уж больно быстро информация просочилась к родственникам! Муратов не звонил. Во-первых, не по рангу ему, во-вторых – кому нужен лишний геморрой? Кстати, странно, что он до сих пор тебя не дернул. Какую-то пакость замышляет, не иначе!

– Кажется, ночью дежурил Мишечкин?

– Ты, брат, слишком многого от меня хочешь! – Мономах так и увидел мысленным взором, как Гурнов разводит своими длинными руками с большими ладонями, похожими на крылья цапли. – Я в больничке вообще случайно оказался: кое-какие документики надо было заполнить, а тут такое!

– Прости, – вздохнул Мономах, проводя пятерней по спутанным волосам. – Спасибо за звонок.

– Знаешь, как говорят: кто предупрежден, тот вооружен. Удачи!

Мономах понимал, что одной удачи мало: два пациента его отделения умерли практически друг за другом, а такое случается нечасто. Он делал операцию первой, адвоката же практически не знал, однако спросят все равно с него, ведь он заведующий, то есть отвечать за эти смерти ему! После скандала с Тактаровым, которому пришлось «отдать» Гальперина ТОНу, Мономах как чувствовал, что главные неприятности еще впереди – дождался!

Наскоро побрившись и одевшись, он рванул в больницу.

– Кто из сестер дежурил ночью? – поинтересовался он у постовой медсестры.

– Оля, – ответила та. – Малинкина.

– Кто ее сменил?

– Татьяна.

– Где она?

– Наверное, в сестринской.

Давно следовало уволить эту девицу, но медсестер не хватает, а она, когда получит пинок под зад, все-таки выполняет какую-то часть работы!

Сидя на диване с потертыми подлокотниками, Татьяна вгрызалась в очередную порцию полученной от пациентов дневной «нормы» шоколада. При виде Мономаха она перестала жевать и сглотнула, но лицо ее по-прежнему выражало презрение ко всему живому, включая непосредственное начальство.

– Ты сменила Малинкину? – спросил зав.

– Ну? То есть да, Владимир Всеволодович, – добавила Лагутина, сообразив, что стоит сменить тон, которым она привыкла общаться с равными по рангу.

– Она ушла?

– Когда я пришла, ее не было.

– Ты опоздала?

– Вот еще! – фыркнула медсестра. – Я не опаздываю. Но Ольга уже ушла, это точно!

По рыбьему выражению плоского лица Лагутиной легко было прочесть, что она страшно довольна возможностью указать начальству на ошибки коллеги, дабы в сравнении с ней собственные промахи выглядели незначительными.

– Вадим здесь? – спросил Мономах. Ординатор оказался на внеочередном дежурстве благодаря болезни врача, который должен был дежурить по расписанию. Мономах сам вставил в расписание его фамилию, тем самым невольно обеспечив парню неприятности.

Татьяна хмуро кивнула.

– Его главный вызывал. Отчитывал, видимо.

– За что отчитывал?

– Ну адвокат ведь помер…

– Разве это вина Вадима?

Лагутина не ответила. Оба понимали, что Муратов ищет виноватых, и его гнев падет на всех, кто находился в отделении в злополучную ночь. Мономах пошел разыскивать ординатора. Вадим сидел в ординаторской в полном одиночестве, а перед ним на столе стояла давно не мытая чашка с чем-то, по цвету напоминающим деготь. Вид у парня был помятый.

– Владимир Всеволодович, вас тоже вызвали?! – воскликнул он, вскакивая при виде вошедшего зава.

– Никто меня не вызывал, успокойся! Что Муратов?

– Орал на меня… Обвинял в ненадлежащем исполнении обязанностей… – Он казался таким маленьким и щуплым по сравнению с массивным главврачом, что Мономаху даже представлять эту сцену было неприятно.

– Расскажи, как ты обнаружил, что Гальперин мертв.

– Я Ольгу искал.

– Зачем?

Мишечкин покраснел до корней короткого ежика волос.

– Ну, э-э… – невнятно забормотал он, – она куда-то пропала…

– С этого места – поподробнее, – потребовал Мономах. – Когда пропала Малинкина?

– Где-то около двух. Пошла в туалет и не вернулась.

– Ты ее искал?

– Я, э-э… заснул, – снова покраснел молодой человек. – Через пару часов проснулся и удивился, что ее нет.

– И? – поторопил Мономах.

– Пошел искать. Не нашел, но заметил, что дверь в конце коридора приоткрыта. Там палата Гальперина, и я пошел проверить – думал, Оля там. Ее в палате не оказалось, но я увидел, что Гальперин мертв.

– Как ты это понял?

– Так сразу же ясно!

Мономах засомневался, что сам отличил бы мертвого пациента от спящего, бросив на него лишь беглый взгляд. Болезнь иссушила тело адвоката, и его лицо напоминало обтянутый желтоватой кожей скелет, даже когда он находился в состоянии бодрствования.

– Ты видел Ольгу после?

– Нет, я…

– А по телефону звонить не пробовал?

– Не берет трубку.

– Понятно. Ладно, ты иди домой, нечего тут сидеть!

– Она сумочку оставила. – Вадим кивнул на соседний стул, где и в самом деле примостился модный зеленый рюкзачок. – Я заскочу к ней по дороге домой, занесу?

– Правильно, – согласился Мономах.

Он сразу забыл о пропавшей сестричке, ведь его ожидали неприятности большего масштаба. Два покойника в отделении за неделю – перебор, и Муратов не упустит возможности потрепать ему нервы. Хотя, пожалуй, главному тоже не позавидуешь: в отличие от Суворовой, судьба которой никого не интересует, Гальперин – личность небезызвестная, да и родственников, похоже, пруд пруди. Проблемы не заставят себя ждать!

* * *

Однако понедельник начался как обычно. Забежав к Муратову, Мономах нарвался на секретаршу – сухую и тощую, как осиновый кол, Веру Геннадьевну Лукашевич, охранявшую вход в кабинет главврача, как Цербер – врата в царство Аида. Она сказала, что босс не появлялся. Плановая операция позволила ненадолго отвлечься, но, едва выйдя из операционной, Мономах вновь ощутил, как желудок скручивает спазм. То, что Муратов медлит, ничего хорошего не сулило: если бы главный с порога набросился на него и вылил ушат грязи прямо на голову, Мономах испытывал бы куда меньшее беспокойство. Интересно, что Муратов допросил ординатора, но не соизволил позвонить его непосредственному начальнику! Гурнов обмолвился, что главврач вчера утром много говорил по телефону. Вряд ли он самолично решил обзвонить родственников покойного: похоже, он и не знаком с адвокатом. Да и супружница Гальперина не преминула бы намекнуть на этот факт во время разговора о признании мужа частично недееспособным… Нет, что-то тут не так!

Адреналин стучал у Мономаха в висках, поэтому он не стал дожидаться лифта и махом преодолел несколько пролетов, едва не врезавшись в чью-то обширную филейную часть. Поднимающаяся впереди него женщина тяжело дышала и крепко цеплялась рукой за перила. «Восхождению» мешала одышка и, скорее всего, боль в позвоночнике и коленях, ведь при избыточном весе костям приходится несладко! Женщина обернулась, и Мономах обмер: на него смотрело одно из самых потрясающих лиц, какие он когда-либо видел. Оно было полным и круглым, как луна, но жир не мог скрыть красоты черт, великолепной гладкой кожи и чарующих глаз цвета лесного мха. Намечающийся двойной подбородок несколько портил впечатление. Господи, как же она умудрилась себя распустить до такой степени, что едва не убила такую красоту?! Казалось, в расплывшемся теле продавщицы пивного ларька живет принцесса, которую насильно заточила туда злая ведьма. Незнакомке было, вероятно, около тридцати пяти, но он мог и ошибаться, так как полнота зачастую делает людей старше.

Зеленые глаза мягко скользнули по нему, словно сканируя от макушки до пяток, на мгновение остановившись на бейджике, болтающемся на кармане халата. Черты лица, до сих пор напряженные из-за физической нагрузки, расслабились, а на губах, возможно чуть тонковатых для столь широкого лица, появилась улыбка.

– На ловца и зверь бежит! – воскликнула она, тяжело отдуваясь. – Знаете, Владимир Всеволодович, вам что-то надо делать с лифтами: я десять минут ждала, но так и не дождалась!

– Утро понедельника, – ответил он, пожав плечами. – Значит, вы меня искали?

– Да.

Незнакомка полезла в сумочку и, покопавшись в ней, извлекла красную книжечку, раскрыв ее привычным жестом перед носом Мономаха.

– Меня зовут Алла Гурьевна Суркова, – представилась она.

– Следственный Комитет? – удивленно переспросил он, пробежав глазами короткий текст. – Из-за Гальперина?

– А почему вы удивляетесь? – вопросом на вопрос ответила Алла Гурьевна.

– Ну был бы он прокурором или судьей – тогда понятно, но адвокат…

– Понимаю, – снова улыбнулась старший следователь. Мономах невольно подумал, что у нее чудесная улыбка, заставляющая забыть о том, что перед тобой бабища весом в добрых сто кило. – Трудно придумать что-то хуже, чем в понедельник утром заниматься обстоятельствами гибели потенциального противника!

– Гибели?

– О, не волнуйтесь, – махнула рукой Алла Гурьевна. – Знаете, как бывает: начальству звонят «откуда следует», и приходится исполнять. Не возражаете, если мы поговорим у вас в кабинете?

Когда поднялись на седьмой этаж, Мономах открыл дверь, пропустил вперед незваную гостью и подошел к шкафу.

– Садитесь за стол, – бросил он через плечо. – И рукав засучите.

Когда он, достав тонометр, обернулся, то увидел, что Суркова безропотно выполнила указания. Мономах измерил ей давление в полной тишине.

– Сто восемьдесят на сто, – объявил он результат.

– О, это мое почти нормальное давление! – с облегчением выдохнула она.

– Сколько вам лет?

– Тридцать шесть. А что?

– Если у вас сейчас такое давление считается нормальным, вы вряд ли доживете до пятидесяти. Вам необходимо сбросить как минимум десять кило. А лучше – все двадцать.

– Вы не слишком-то корректны, – уголком губ усмехнулась женщина.

– Я врач, – пожал он плечами и встал, убирая аппарат обратно в шкаф. – Ко мне приходят не за тем, чтобы услышать комплимент.

– Думаете, я не в курсе, что у меня проблемы? Только вот при такой работе, как у меня, стресс неизбежен! И я его «заедаю».

– Еда – самый доступный способ выработки эндорфинов, – согласился Мономах. – И самый короткий путь к могиле.

– Гальперин тоже там оказался раньше срока, – резонно заметила Суркова. – А он был стройным, как кипарис!

– У него был рак в последней стадии. Он курил всю жизнь и страдал язвой желудка со студенческих времен – вообще удивительно, что дожил до своих лет!

– Вы полагаете, он умер от болезни?

– Я не онколог, но… Гальперину повезло, что он умер легко.

– С чем его доставили?

– Ушиб позвоночника и травматическая кокцигодиния вследствие падения с лестницы.

– Что, простите?

– Повреждение копчика. Гемоглобин был на очень низком уровне – скорее всего, голова закружилась.

– Скажите, а каков профиль вашего отделения? ТОН – звучит непривычно!

– Мы занимаемся хирургическим и консервативным лечением дегенеративно-дистрофических заболеваний позвоночника, врожденными и приобретенными стенозами позвоночного канала, экстрамедуллярными опухолями спинного мозга…

– Вы оперируете здесь?

– Разумеется. Но еще проводим комплексное консервативное лечение – курсы миофасциальных и корешковых блокад, веноспондилоинфузию для улучшения венозного кровотока в позвоночнике и так далее.

– А что за специалисты у вас работают?

– Из врачей? Невролог, ортопед, травматолог, нейрохирург…

– А вы сами?

– Лично я – травматолог-ортопед по специальности.

– Гальперину делали операцию?

– Нет, оперативное вмешательство ему показано не было. Учитывая его общее состояние, консервативное лечение шло неплохо, хотя лучше спросить у лечащего врача. Я с ним уже разговаривал, и к обеду он представит подробный отчет. А еще, насколько я знаю, пациенту давали препараты для поднятия гемоглобина. Нам удалось довести его до нижнего допустимого предела.

– А какие-то лекарства, помимо назначенных лечащим врачом, он принимал?

– Скорее всего, что-то ему прописал онколог… Хотите, я приглашу медсестру, которая за ним ухаживала?

– За дополнительную плату?

– Само собой. Так мне позвать…

– Нет, погодите! Я обязательно поболтаю и с лечащим врачом, и с этой вашей сестричкой, только попозже. У меня еще есть к вам вопросы, Владимир Всеволодович, если не возражаете.

Он мельком взглянул на наручные часы.

– У меня полчаса до следующей операции. А можно и мне вопрос?

– Конечно!

– Вы заставили меня думать, что не верите в естественную смерть Гальперина. На пустом месте такие предположения не рождаются. Это его жена волну гонит?

– Почему вы так решили? – насторожилась Суркова. Мягкость покинула ее глаза, уступив место цепкости профессионала. Мономах в нескольких емких предложениях пересказал ей разговор, имевший место накануне.

– Говорите, она адвоката привела? – задумчиво пробормотала следовательша, покусывая кончик карандаша, который достала из сумочки. – Это при муже-то адвокате?

– Мне это тоже показалось странным. С другой стороны, не могла же она просить мужа собственноручно состряпать документы о его недееспособности!

– Да, но присутствие адвоката не обязательно для того, чтобы собрать показания медработников, верно? Спасибо, что сообщили, Владимир Всеволодович.

– Но вы так и не ответили на вопрос!

Суркова помолчала, словно бы прикидывая, стоит ли раскрывать карты. Наконец, она сказала:

– На жизнь Гальперина уже покушались.

– Да ну? Хотя, принимая во внимание его скверный характер…

– Не думаю, что это имеет отношение к его репутации беспринципного подонка, хотя о ней и ходят легенды. Вы в курсе, что Гальперин был богат?

– Как любой известный адвокат!

– Его гонорары столь же легендарны, как и его репутация, но Гальперин также являлся владельцем сети стоматологических клиник «ОртоДент».

– Каким образом стоматология связана с юриспруденцией? – удивился Мономах.

– Его сын, Илья Гальперин, основал эту сеть. Он был врачом-ортодонтом.

– Был?

– Умер несколько месяцев назад.

– Его убили?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Владимир Всеволодович Мономах – князь смоленский, черниговский, киевский, государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель.

2

ОМР – Отдел медицинских расследований, несуществующая государственная организация при Комитете по здравоохранению. Изобретение автора.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gradova_irina/predlozhenie-ot-kotorogo-ne-otkazyvayutsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить